

у Адрияна — одетые благопристойно. Дон Жуана мертвецы угощают своею кровью, и «под алтарем зияет бездна погибели, которая должна его поглотить!» (557). Адрияна встречает «меж мертвецами <...> ропот негодования, брань и угрозы» (VIII, 94).

Таковы некоторые сближения, отголоски, параллели, может быть иногда подсознательные, а иногда, может быть, их появление является типологическим совпадением, вызванным сходством ситуаций. Эти сближения показывают, насколько органично входила европейская культура в литературную жизнь России уже в начале XIX века.

Марк Альтшуллер

ФАЛЬШИВЫЙ ПЕСНОПЕВЕЦ История одной поэтической ошибки Пушкина

Демьян, ты мнишь себя уже
Почти советским Беранже.
Ты, правда, «б», ты, правда, «ж»,
Но все же ты не Беранже.

А. В. Луначарский.
Эпиграмма на Демьяна Бедного¹

...это похоже на Яшку, который горланит на мирской сходке: да что вы, да сунься-ка, да где вам, да мы то!

П. А. Вяземский
о народных стихах Пушкина²

ЛОЖНАЯ АТРИБУЦИЯ

У пушкинского пародийного казарменно-простонародного патристического стихотворения «Рефутация г-на Беранжера», написанного осенью 1827 года, прочитанного (точнее, спетого хором) на праздновании лицейской годовщины 1828 года и впервые напеча-

¹ Эткинд Е. Г. 323 эпиграммы. Париж, 1988. С. 41.

² Цит. по: Беляев М. Д. Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово, 1827—1832. Л., 1927. С. 294.

танного в «Отечественных записках» в 1861 году,³ есть, как остроумно заметил американский комментатор, две атрибуционные проблемы: во-первых, оно никак не опровергает (*refute*) Беранже, ибо представляет собой издевательскую переделку бонапартистской песенки другого французского поэта, Поля-Эмиля Дебро (*Paul-Émile Debraux*, 1796—1831), а во вторых, возможно, что оно вообще не написано Пушкиным (по крайней мере полностью).⁴ В настоящее время авторство Пушкина признается большей частью исследователей,⁵ а атрибуция Пьеру-Жану Беранже (1780—1857) куплетов, написанных в 1817 году его современником, считается какой-то странной ошибкой или оговоркой поэта.

Приведем зачин французского стихотворения Дебро, ставшего в 1820—1830-е годы популярным романсом, а затем известной военной песнью:

*Te souviens-tu, disait un capitaine
Au vétéran qui mendiait son pain,
Te souviens-tu qu'autrefois dans la plaine,
Tu détournas un sabre de mon sein?
Sous les drapeaux d'une mère chérie,
Tous deux jadis nous avons combattu;
Je m'en souviens, car je te dois la vie!
Mais, toi, soldat, dis-moi, t'en souviens-tu?* etc.⁶

Русский пересказ этой песни (целиком она, насколько мы знаем, никогда не переводилась) был напечатан в книге «Отечественная война и русское общество, 1812—1912» и напоминает нечто среднее между воспоминаниями оссиановских бардов о минувших битвах и дуэтом Сильвы и Эдвина из оперетты Имре Кальмана:

Старый капитан встречает нищего-солдата, спасшего когда-то ему жизнь. Они вместе предаются воспоминаниям о пирамидах, Италии, Москве, Ватерлоо:

³ Гаевский В. П. Празднование лицейских годовщин в пушкинское время // Отечественные записки. 1861. Т. 139. №11. С. 36; 3-я паг. В собраниях сочинений Пушкина входит начиная со второго издания под редакцией Г. Н. Геннади (1870).

⁴ *Wachtel M.* A Commentary to Pushkin's Lyric Poetry, 1826—1836. Madison (WI), 2011. P. 66. Автографа этого стихотворения, известного по нескольким спискам в рукописных сборниках конца 1820 — 1830-х годов, не сохранилось.

⁵ О полемике об авторстве этого стихотворения см. обобщающую статью Н. Л. Дмитриевой в «Пушкинской энциклопедии» (Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2020. Вып. 4. С. 489—492).

⁶ *Debraux P.-É.* Chansons nationales et autres. Paris, 1822. P. 256.

Помнишь эти ледяные равнины,
Куда победоносно вступали французы
И где сугробы их кутали потом с головой?⁷
Там леденело их тело, но сердце продолжало гореть.
Скажи мне, скажи мне, солдат, помнишь ли ты?..

А помнишь ли ты... но тут мой голос дрожит.
Не нужно вспоминать об этом.
Пойдем, друг мой, поплачем вместе
В ожидании лучших дней.
А когда смерть придет в мою хижину
И позовет на заслуженный отдых,
Ты тихо закроешь мне веки
И скажешь: «А помнишь ли ты?..»⁷

Песня Дебро имела социально-историческую основу (легализация бродяжничества для инвалидов Наполеоновских войн) и эксплуатировала центральную мифологему эпохи Ста дней — тоску по героическому прошлому, смешанную с надеждой на возвращение века славы. Иллюстрацией этой «бонапартистской эмоции» является хорошо известный исторический анекдот о том, как старые товарищи-гвардейцы перешли на сторону императора, вернувшегося с острова Эльба весной 1815 года. Один из них отдал Наполеону честь ружьем, и «сей, взяв его за подбородок, сказал: “а! старый усач, помнишь ли, что и ты был с нами при Маренго?”»⁸ После поражения Наполеона и восстановления королевской власти большая часть солдат и офицеров Великой армии была демобилизована или отправлена в отставку на мизерную пенсию.⁹ В конце 1810-х — первой половине 1820-х годов песня Дебро на музыку Жозефа-Дени Дюша-отца (Joseph Denis Doche père, 1766—1825) вошла в репертуар парижских «goguettes» (песенных клубов или компаний), часто посещавшихся разочарованными и ропчущими наполеоновскими ветеранами. Несмотря на правительственный запрет на политические куплеты и беседы, «память о Наполеоне была тщательно ин-

⁷ Отечественная война и русское общество, 1812—1912. М., 1912. Т. 6. С. 185.

⁸ Цит. по заметке: [Б. н.] Побег Наполеона с острова Эльбы в Париж (окончание) // Санкт-Петербургские ведомости. 1820. № 3. 9 янв. С. 23.

⁹ Athanassoglou-Kallmyer N. Sad Cincinnatus: Le soldat laboureur as an Image of the Napoleonic Veteran after the Empire // Arts Magazine. 1986. № 60 (May). P. 67.

тегрирована в вечерние пирушки»,¹⁰ ставшие питательной средой французского националистического ресентимента.

Исполненная Пушкиным и его однокашниками 19 октября 1828 года русская пародическая версия «Te souviens-tu...» была написана приблизительно за год до празднования лицейского дня. Скорее всего, именно о ней идет речь в письме Н. М. Языкова к брату от 20 ноября 1827 года, где он сообщил о получении двух новых пьес Пушкина — «Стансов» императору (1826) и «солдатской песни», которая в «своем роде лучше, но и в ней есть кое-что неприличное: стихи для рифмы, выражения неуместные».¹¹ Под названием «Рефутация Гна Беранжера» эта песня фигурирует в собственноручно написанном «Пушкиным-Французом» протоколе лицейской «сходки» 1828 года.¹²

Приведем полностью (не без некоторой брезгливости, вызванной современными историческими обстоятельствами) эту «солдатскую» переделку (или, используя подходящий термин Н. Остолопова, *перепеснь*¹³) популярных бонапартистских куплетов, приписанных русским поэтом главному французскому песеннику:

Ты помнишь ли, ах, ваше благородье,
Мусьё француз, г<овённый> капитан,
Как помятся у нас в простонародье
Над нехристом победы россиян?

¹⁰ Day B. A. Political Dissent and Napoleonic Representations during the Restoration Monarchy Historical Reflections // Réflexions Historiques. 1993. Vol. 19. № 3. P. 409—432.

¹¹ Языковский архив. СПб., 1913. Вып. 1: Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). С. 343. Добавим два слова о рифме в зачине этого стихотворения, являющейся частой в русской литературе XIX века (обычно с ироническим оттенком). Например, она встречается у друга Пушкина В. К. Кюхельбекера в «Ижорском» (отрывок из драматической поэмы, опубликованный в «Сыне отечества» в начале 1827 года): «*Ямщик*: Так точно, Ваше Благородье... / Поют, признаться, так у нас — в простонародье» (Ч. 111. № 1. С. 96). Эта рифма нередко использовалась в водевилях (у М. Н. Загоскина в «Женатом женихе»: «Хоть так ее любите, мой родной, / Как любят жен у нас, в простонародьи. / Простите, ваше благородье!» — *Загоскин М. Н.* Полн. собр. соч. СПб., 1898. Т. 10. С. 10) и сатирических песенках (от огаревской «Песни русской няньки у постели барского ребенка»: «Спи, потомок *благородья*, / Баюшки-баю, / Я, дитя *простонародья*, / песенку спою» — Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Л., 1959. С. 207 — до басенки Демьяна Бедного об Акиме).

¹² См.: Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. 2-е изд. М., 1997. С. 605.

¹³ *Остолопов Н.* Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821. Ч. 2. С. 332.

Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, <ебёна мать>?

Ты помнишь ли, как за горы Суворов
Перешагнув, напал на вас врасплох?
Как наш старик трепал вас, живодёров,
И вас давил на ноготке, как блох?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, <ебёна мать>?

Ты помнишь ли, как всю пригнал Европу
На нас одних ваш Бонапарт-буян?
Французов видели тогда мы многих <жопу>,
Да и твою, г<овённый> капитан!
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, <ебёна мать>?

Ты помнишь ли, как царь ваш от угара
Вдруг одурел, как бубен гол и лыс,
Как на огне московского пожара
Вы жарили московских наших крыс?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, <ебёна мать>?

Ты помнишь ли, фальшивый песнопевец,
Ты, наш мороз среди родных снегов
И батарей задорный подогревец,
Солдатской штгык и петлю казаков?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, <ебёна мать>?

Ты помнишь ли, как были мы в Париже,
Где наш казак иль полковой наш поп

Морочил вас, к винцу подсев поближе,
 И ваших жён похваливал <да ёб>?¹⁴
 Хоть это нам не составляет много,
 Не из иных мы прочих, так сказать;
 Но встарь мы вас наказывали строго,
 Ты помнишь ли, скажи, <ебёна мать>?¹⁵
 (III, 81—82)¹⁴

Первым на ошибку Пушкина (если это был Пушкин) и правильную атрибуцию французской песни указал редактор собрания сочинений поэта известный библиограф П. А. Ефремов.¹⁵

Как же получилось, что Беранже у русского поэта оказался в ответе за Дебро? Что именно пародирует Пушкин в «Рефутации»? Какое место занимает это стихотворение в истории русской военно-патриотической песенной традиции?

ОШИБКА ИЛИ ОБМАНКА

Исследователь творчества Беранже Ю. И. Данилин признавался, что ему «вовсе непонятно», зачем Пушкину нужно было опровергать авторство французского поэта на основании песни другого сочинителя, ведь он хорошо знал произведения Беранже и хранил в своей библиотеке ряд его изданий (заметим, что последние относятся к более позднему времени¹⁶).

Причины ошибки Пушкина (опять же если это был он) комментаторы обычно находят в творческой и идеологической близости двух французских поэтов-песенников. Беспечный и бездомный «литературный бродяга» Дебро был талантливым учеником и политическим единомышленником Беранже. Последний несколько раз в сво-

¹⁴ Насколько нам известно, первое печатное упоминание нецензурной песни Пушкина содержится в статье Е. И. Якушкина «По поводу последнего издания сочинений А. С. Пушкина» (Библиографические записки. 1858. № 10. С. 307). В собраниях сочинений Пушкина конца XIX — начала XX веков это стихотворение публиковалось с французским эпиграфом из зачина песни о капитане, дурно переведенного в 1919 году В. Я. Брюсовым, поместившим «Рефутацию» в раздел Dubia: «Ты помнишь ли, как молвил капитан, / Когда просил о хлебе ветеран» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. и 6 ч. / Ред., вступ. ст. и коммент. В. Брюсова. М., 1919. Т. 1. Ч. 1. С. 285).

¹⁵ Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. 8-е изд. М., 1882. Т. 7. С. 349.

¹⁶ Самое раннее: Chansons inédites de P.-J. de Béranger, suivies des Procès. Paris, 1828 (см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 157. № 597, 598).

ем творчестве обращался к песне о наполеоновском капитане. На ее мотив он написал стихи, посвященные памяти Дебро («Émile Debraux. Chanson-prospectus pour les œuvres de ce chansonnier», 1831). Беранже также издал сборник песен своего друга. Иными словами, полагают, что Пушкин просто перепутал близких по духу и тесно связанных между собой сочинителей и обрушился на более известного (которого русский поэт не любил¹⁷).

Между тем существуют и более изысканные истолкования его ошибки.

В примечании к стихотворению в собрании сочинений Пушкина 1882 года Ефремов в шутку предположил, что песня о капитане, вероятно, была завезена в Россию «под именем Беранже каким-нибудь гр<афом> Нулиным», то есть каким-то поверхностно образованным визитером.¹⁸

По мнению Е. Г. Эткинда, «Рефутация» представляет собой «как бы перевод из Беранже»: «Пушкин, вероятно, ошибся (или обманул)», создав в итоге «перевод некоего обобщенного текста, которого по-французски нет, хотя он в то же время и существует в совокупности различных песенных произведений».¹⁹

Л. М. Аринштейн утверждает, что имя Беранже появилось здесь не в результате недоразумения, как полагают другие комментаторы, «а вполне сознательно»: «Пушкин, конечно, знал, что <эту песню> сочинил Дебро. Но Пушкину не надо было, чтобы стихотворение прочитывалось как ответ Дебро. Ему нужна была ироническая двусмысленность, и имя другого песенника — Беранже, более чем подходило для его замысла».²⁰ Более того, «даже если допустить, что Пушкин перепутал имя автора песни», «то неужели никто из двадцати пяти бывших лицеистов, распевавших вместе с Пушкиным 19 октября 1828 г. эту песню, не заметил ошибки и не обратил на нее внимания Пушкина?»²¹ В интерпретации Аринштейна, Пушкин сознательно мистифицирует читателей и отсылка на «Бе-

¹⁷ Свидетельство П. А. Вяземского (см.: Томашевский Б. В., Вольперт Л. И. Беранже // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18—19: Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». С. 62—63. Об использовании текста Дебро во французской песенной традиции 1820—1830-х годов см.: Laforte С. Le catalogue de la chanson folklorique française. Québec, 1983. Т. 6. Р. 69.

¹⁸ Пушкин А. С. Соч. 8-е изд. Т. 7. С. 349.

¹⁹ Эткинд Е. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999. С. 525. Курсив наш. — И. В.

²⁰ Аринштейн Л. М. Пушкин: «Когда Потемкину в потемках...»: По следам «Непричесанной биографии». М., 2012. С. 212.

²¹ Там же. С. 209.

ранжера» скрывает за собой имя его (будущего) литературного антагониста Булгарина — отставного капитана наполеоновской армии (справедливости ради нужно сказать, что в 1827 году никакой вражды к Булгарину Пушкин не испытывал).

Александр Гаврилов в монографической статье об этом стихотворении, удачно озаглавленной «Наш ответ бонапартистам», обращает внимание на то, что лежащую в его основе песню друзья Пушкина Вяземский и Вульф также связывали с именем Беранже.²²

При великой славе Беранже и часто изустной передаче французской песни о «Капитане» в России нетрудно было сбиться на мысль, что это сочинение знаменитейшего из французских песельников, политическим воззрениям которого текст Дебро не противоречит. А уж сочиняя некое возражение французам, безусловно, авантажнее было метить в более знаменитого из них. Так и связали русскую перепевку «Капитана» с Беранже. Наконец, сбивающим с толку обстоятельством было, пожалуй, и то, что песня к середине 1820-х гг. (не забудем о махровой Реставрации в этот исторический момент) стала распеваться и за пределами Франции, прямотаки соблазняя к переделке и всевозможным литературным проделкам — тому самому, что с некоторых пор музыканты называют римейком, то ремиксом и вообще *second hand song*.²³

С этими рассуждениями мы в принципе согласны, но история пушкинского «римейка» ложного Беранже представляется нам гораздо проще и — интересней.

МНИМЫЙ БЕРАНЖЕ

В 1820-е годы слава Беранже как французского народного поэта достигает своей высшей точки, чему, безусловно, способствовал судебный процесс против него, начавшийся в 1821 году и привлечший к себе внимание тысяч людей во Франции и других европейских странах, включая Россию. В декабре 1821 года «Сын отечества» сообщил читателям, что «Сочинитель многих замысловатых Песень» был «осужден Парижскою Уголовною палатою по приго-

²² См. в дневниковой записи Вульфа от 9 апреля 1829 года: «...провели вечер, твердя Романс Беранжера: “Souvenir d'un Capitaine”» (Любовные похождения и военные походы А. Н. Вульфа: Дневник 1827—1842 годов. Тверь, 1999. С. 85).

²³ Гаврилов А. К. Наш ответ бонапартистам: «Рефутация г-на Беранжера» // Звезда. 2012. № 12. С. 219.

вору Присяжных на трехмесячное заключение в тюрьму, уплату 500 фр <анков> пени и судебных издержек за напечатание Собрания Песень в числе 10,000 экземпляров, в коих он оскорбил нравственность и особу Короля. Все издание сих Песень конфисковано»²⁴ (известно, что несколько сотен экземпляров успели раскупить). Укажем, что, очевидно, на этот знаменитый процесс (известный как «un procès pour des chansons»²⁵) намекает Пушкин в письме к брату из Михайловского от 20 декабря 1824 года, говоря о том, что опасается «попасть в крепость *pour des chansons*» за какую-то свою (или чужую) «святочную песенку» (неизвестный ноэль) (XIII, 130). Имя Беранже становится знаменем поэтического вольномыслия и оппозиционности (несомненно влияние его политических куплетов на песни декабристов, например, на «Царь наш немец русский» Рылеева и Бестужева²⁶).

В конце 1826 года «Московский телеграф» печатает «извлечение» из «Письма из Парижа», представляющее собой настоящую апологию французской политической поэзии и ее главному «песельнику», названному здесь «едва ли не первым поэтом Франции»:

Вам, вероятно, известны некоторые песни Беранже, но не все, по той причине, что сей беспечный Анакреон совращается иногда с пути ко храму славы и сколько волею, а вдвое того неволею (как говорится в наших сказках) заходит в тюрьму Св. Пелагии и там постится за нескромности Музы, не вовремя откровенной. Но впрочем, он и там *живет припеваючи*, и многие из песен его, писанных под затворами тюремными, так же свободны и милы, как и прежние.

<...> ...в своих патриотических песнях он от шутки вдруг взлетает до высшей степени отваги лирической; в нежных и эротических куплетах он изобилует элегическими прелестями, и Муза его, увенчанная розами и плющем, вздыхая сквозь улыбку, наводит на вас радость и уныние по воле; в куплетах сатирических он ювеналовскими стрелами клеймит своих противников.²⁷

²⁴ Сын отечества. 1821. Ч. 74. № 52. С. 284.

²⁵ «Un procès pour des chansons!.. en France!» См.: Procès fait aux chansons de Pierre Jean de Béranger. Bruxelles, 1822. P. 45. У Пушкина в библиотеке было издание 1828 года (Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 157. № 597—598).

²⁶ Ср., например, рефрен к издательской песенке Беранже 1823 года о царе Навуходоносоре: «Gloire à Nabuchodonosor!»

²⁷ [Вяземский П. А.] Письмо из Парижа (извлечение) // Московский телеграф. 1826. Ч. 12. № 22. Отд. II. С. 63—64.

Pierre Jean de Béranger, Victor Joseph Etienne de Jouy, Alexis Lagarde, E. de Pradel, etc. *La marotte de Sainte-Pélagie*, ou: *Motus en prison*. Paris, 1825. Эпиграф из рефрена к стихотворению Беранже «Ma guérison»

«Письмо из Парижа» было написано П. А. Вяземским, «одним из первых поклонников в России великого песенника». ²⁸ Как отмечает С. Н. Дурылин, в исторической обстановке конца 1826 года (года процесса над декабристами) эта мистификация «с немалой гражданской смелостью дает апологию политической поэзии и поэта, как политического деятеля». ²⁹

Слава Беранже порождает моду на Беранже. Его стихотворения, в том числе запрещенные, переписывают, переводят и перепевают на русский лад; популярностью пользуются портреты песенника и литография картинки, изображающей беспечного стихотворца в парижской тюрьме. ³⁰

Пушкин, как известно, упоминает какую-то «последнюю песню» поэта, вывезенную из Франции галломаном Нулиным (заметьте, что сама поэма о незадачливом графе была опубликована в конце 1827 года, то есть приблизительно в то же время, когда была написана «Рефутация»). По предположению Н. Н. Мазур, пушкинский комический герой привез в Россию третий том парижского собрания сочинений Беранже, вышедший в 1825 году и включавший его «новые песни» (то есть те самые, на которые намекал в сво-

²⁸ *Нечаева В. С.* Французская литература и П. А. Вяземский в преддекабрьскую эпоху // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31—32. С. 85. «Это письмо и следующие из Парижа, — признавался Вяземский позднее, — писаны просто в Москве. Участвуя в “Телеграфе”, хотел я придать этому журналу разнообразие и, так сказать, движение жизни». Материалом для его обзора стали французские газеты и журналы (прежде всего «Revue Encyclopédique») и письма парижских знакомых, из которых Вяземский, по собственному признанию, составлял «свои подложные письма, которые в то время читались с живым любопытством» (*Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1878. Т. 1. С. 222; см.: *Дурылин С. Н.* П. А. Вяземский и «Revue Encyclopédique» // Там же. С. 105). Вяземский еще в 1818 году предлагал Пушкину перевести одну из песен Беранже на русский язык (см.: *Нечаева В. С.* Французская литература и П. А. Вяземский в преддекабрьскую эпоху. С. 86).

²⁹ *Дурылин С. Н.* П. А. Вяземский и «Revue Encyclopédique». С. 105.

³⁰ Стихотворения Беранже переводили во второй половине 1820-х годов Дельвиг, Вяземский, В. И. Туманский, Лермонтов и В. Л. Пушкин. Драгоценный том Беранже, якобы съеденный собакой Дельвига, упоминается в шуточных стихах последнего, датированных 1827 годом: «Хвостова кипа тут лежала, / А Беранже не уцелел! / За то его собака съела, / Что в песнях он собаку съел!» (*Дельвиг А. А.* Соч. Л., 1986. С. 170). Эти стихи, по воспоминаниям Анны Керн, были положены на музыку и исполнялись хором (см.: *А. С. Пушкин в воспоминаниях современников.* М., 1974. Т. 1. С. 402). Заметим, что в приведенном экспромте, по всей видимости, каламбурно обыгрывается идиома «собаку съел, только хвостом» (здесь: Хвостовым. — *И. В.*) подавился» (*Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., Т. 4. 1909. С. 333), относящаяся к кому-то, сделавшему трудное дело, но не справившемуся с простым.

ем «подложном письме» Вяземский).³¹ Но более вероятно, что граф приобрел во время своего путешествия совсем другое издание, не выпущенное в Париже, но нелегально туда завезенное. По крайней мере, именно оно, как мы постараемся показать, оказалось в распоряжении Пушкина.

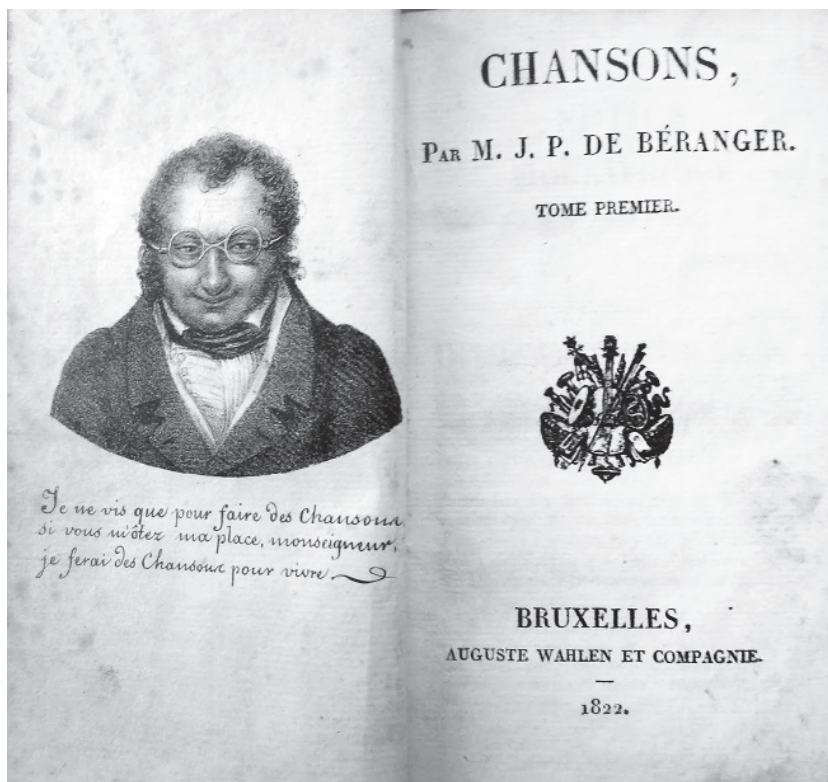
Когда печатание и продажа песен Беранже были запрещены в королевстве, эстафету подхватила соседняя либеральная Бельгия, славившаяся на всю Европу дешевыми пиратскими изданиями популярных авторов. В 1820-е годы в Брюсселе вышло несколько скороспелых контрафактных собраний произведений поэта, изобиловавших, как указывает Жюль Бривуа в подготовленной им библиографии произведений Беранже, ошибками и ложными атрибуциями.³² Эти издания очень быстро раскупались и развозились по всей Европе. «За томик этого великого поэта, — писал в марте 1824 года Стендаль, — который благодаря г-ну Дема стоит три франка в Женеве, в Лионе платят двадцать четыре франка, и не всегда еще можно его достать. Нет ничего забавнее списка запрещенных к ввозу произведений, вывешенного в канцелярии таможни в Бельгарде, расположенном между Женевой и Лионом. В то время как я читал этот список, смеясь над его бессилием, несколько честных путешественников переписывали его, чтобы выписать указанные в нем произведения. Все они говорили мне, что везут в Лион Беранже».³³

Добавим, что этот завезенный из Бельгии пиратский Беранже включал несколько чужих песен и открывался... чужим портретом, изображавшим какого-то круглолицего кучерявого весельчака (возможно, стилизованное изображение бога-насмешника Мома) в круглых очках с толстой оправой. Этому курьезному портрету француз-

³¹ В черновиках поэмы говорится о «последнем томе» и «новейшей песне Беранжера» (V, 168). См. остроумную гипотезу Н. Н. Мазур, идентифицировавшую эту песню как «La Double Chasse» («Двойная охота») (*Мазур Н. Н. Пушкин и Беранже: К источникам фабулы «Графа Нулина» // Stanford Slavic Studies. Stanford, 2007. Vol. 33, 1: The Real Life of Pierre Delalande: Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin. P. 38–51*). Б. М. Гаспаров считал, что речь у Пушкина шла о кощунственном политическом стихотворении Беранже «Mon Dieu», которое поэт упоминает в письме к Вяземскому, предлагая шутки ради приписать его перевод благонамеренному и робкому дяде (см.: *Гаспаров Б. Поэтический язык Пушкина. СПб., 1999. С. 262*).

³² См.: *Brivois J. Bibliographie de l'œuvre de P.-J. de Béranger. Paris, 1876. P. 5*.

³³ *Стендаль. Расин и Шекспир. II / Пер. Б. Г. Рейзова // Собр. соч.: В 15 т. М., 1959. Т. 7. С. 73*. Российская цензура также регулярно запрещала ввоз сборников песен Беранже, что не мешало их широкому распространению. См.: Общий алфавитный список книг на французском языке, запрещенным иностранною цензурою безусловно с 1815 по 1853 год включительно. СПб., 1855. С. 29–30.

Chansons par M. J. P. Béranger. Bruxelles, 1822. Deux volumes

ский песенник посвятил остроумные «Couplets sur un prétendu portrait de moi» («Куплеты к моему портрету», 1826):

Ах, фантастический портретик,
Попавший в новый сборник мой,
Ужель ты думаешь, что каждый
Смешает здесь меня с тобой?
Ты можешь сам себя украсить
Венком лавровым, впрочем, нет, —
Гирляндой роз себя обвей ты,
Но все же ты не мой портрет.

Нет, нет!

Ведь ты совсем не мой портрет.³⁴

³⁴ Бера́нже П.-Ж. Полное собрание песен. В переводе русских поэтов / Под ред. С. С. Трубачева. СПб., 1905. Т. 3. С. 116; пер. А. А. Коринфского.

Во все упомянутые бельгийские собрания, принесшие недобросовестным издателям изрядную прибыль,³⁵ включена была песня «Ты помнишь ли?» («Te souviens-tu») под заголовком «Souvenirs d'un militaire (de 1790 à 1821)» (последняя дата — очевидный намек на смерть Наполеона) и с указанием на мотив известной песни «Du lancier Polonais».³⁶ Кроме того, в середине 1820-х годов бонапартистское «Воспоминание война» было напечатано в Брюсселе в составе семи переплетенных песен с указанием на авторство Беранже, нотами Анри Жерома Бертини (Henri Jérôme Bertini, 1798—1876) и литографией бельгийского иллюстратора Жана-Батиста Маду (Jean-Baptiste Madou, 1796—1877), изображающей наполеоновского офицера в треуголке и седого усатого солдата, просящего милостыню (стереотипный сюжет визуальной пропаганды бонапартистов), в присутствии внимательно слушающей их разговор собачки («une levrette») (возможно, тоже ветеранки, вроде Серого Платона Каратаева, а может быть, той самой, что, по преданию, съела томик Беранже барона А. Дельвига, не покусившись на лежащую рядом рукопись графа Хвостова³⁷).

Скорее всего, «ошибка» Пушкина объясняется тем, что с текстом песни он познакомился по некачественному брюссельскому изданию (не сохранившемуся в его библиотеке) или по долетевшим до России листкам с песней Беранже на музыку Бертини, использованным бонапартистами для политической агитации.³⁸ (Менее ве-

³⁵ В одной из заметок в «Отечественных записках» указывалось, что бельгийские издатели ничего не платят автору книги, не имеют «никаких расходов на объявления и программы, и, конечно, не удивительно, что дешевые издания французских книг числом экземпляров гораздо превышают оригинальные парижские, служа нестоимым источником обогащения для бельгийских книгопродавцев». Здесь же сообщается, что «бельгийская контрафакция более всего нанесла убытков Беранже», напечатав 30 000 экземпляров сочинений последнего (Контрафакция французских книг в Бельгии // Отечественные записки. 1841. Т. 14. № 1. Отд. VII. С. 21).

³⁶ Chansons par Pierre Jean de Béranger. Bruxelles, 1822. Т. 2. Р. 193. Тот же текст в брюссельском издании «Chansons par Pierre Jean de Béranger» 1826 года (р. 458). В сводном индексе запрещенных иностранных книг (Общий алфавитный список книгам на французском языке. С. 29) значится бельгийское издание песен Беранже 1824 года (Bruxelles: Chez Auguste Wahlen et Co., 1824. Tome I—II; запр. д. п. 1825, № 525).

³⁷ О мотивах Беранже в творчестве Дельвига см.: *Бодрова А. С.* К истории одного куплетного мотива: «La bonne aventure, ô gué» // (Не)музыкальное приношение, или Allegro affettuoso: Сб. статей к 65-летию Бориса Ароновича Каца. СПб., 2013. С. 179—180.

³⁸ Эти издания, несмотря на цензурные запреты, были известны российским читателям. Так, по сообщению историка русской книги XIX века А. А. Сидорова, деревянные виньетки из брюссельского издания Беранже «перекочевали в Рос-

*Titre d'une chanson politique de Béranger publiée à Bruxelles
Lithographie du peintre Madou, vers 1825*

роятно, хотя и не исключено, что поэт мог слышать чье-то исполнение этих куплетов, приписанных главному французскому песеннику бельгийскими издателями.)

сию» (Сидоров А. А. Искусство русской книги // Русская книга: Деятнадцатый век. М., 2008. Ч. 2. С. 182).

Показательно, что не только Пушкин, Вяземский и Вульф ориентировались на брюссельского Беранже, но и большой поклонник творчества последнего И.-В. Гёте. В 1827 году он прислал своему другу композитору Карлу Фридриху Цельтеру том с песнями Беранже.³⁹ В ответном письме, датированном 14 марта 1827 года, Цельтер признался, что «Souvenirs d'un militaire» выжали из него самые горькие слезы: «Лишь тот, кто страдал, может иметь опыт, говорить и чувствовать, и только это может быть утешением».⁴⁰

Жертвой бельгийской коммерческой мистификации стал и молодой философ Карл Маркс (а за ним его немецкие и русские последователи и переводчики). В известной статье о прусской цензуре, вышедшей в 1842 году в «Рейнской газете» (Rheinische Zeitung. 1842. Mai. № 139), он, рассуждая о влиянии политики и экономических обстоятельств на свободу творчества, приводит в пример высказывание своего любимого французского поэта:

Беранже поет: «Je ne vis, que pour faire des chansons, / Si vous m'ôtez ma place Monseigneur, / Je ferai des chansons pour vivre».

В этой угрозе кроется ироническое признание, что поэт унижает свое звание, когда поэзия становится для него средством.⁴¹

В русских переводах начиная с издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса 1928 года французская цитата представлена в виде следующего малохудожественного *стихотворного* отрывка:

Живу для того лишь, чтоб песни слагать,
Но если, о сударь, лишен буду места,
То песни я буду слагать, чтобы жить.⁴²

³⁹ Мнение Гёте о поэзии Беранже записал в 1827 году Иоганн Петер Эккерман: «Беранже всегда напоминает мне Горация и Гафиза, эти оба тоже стояли над своим временем, с веселой насмешкой бичуя упадок нравов. Беранже занял ту же позицию в отношении окружающего его мира. Но так как он выходец из низких слоев общества, то беспутство и пошлость не столь уж ненавистны ему, я бы даже сказал, что он говорит о них не без некоторой симпатии» (Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни / Пер. с нем. Н. Ман. М., 1986. С. 209).

⁴⁰ Briefwechsel zwischen Goethe und Zelter in den Jahren 1796 bis 1832. Berlin, 1834. 4. Theil. S. 275. О восприятии творчества Беранже в Германии см.: Linder-Beroud W. "Schier dreißig Jahre bist du alt..." Zur populären Wirkung des Chansonniers Pierre-Jean de Béranger (1780–1857) in Deutschland // Lied und Populäre Kultur. 2012. Vol. 57. S. 57–79.

⁴¹ Маркс К. Дебаты шестого рейнского ландтага. Статья первая. Дебаты о свободе печати и опубликовании протоколов Собрания земских чинов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. / Под ред. и с примеч. Д. Рязанова. М.; Пг., 1923. Т. 1. С. 144.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. / Под ред. Д. Рязанова. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 181.

Проблема заключается в том, что ни такого стихотворения, ни вообще такого высказывания у Беранже нет. Маркс позаимствовал эти строки из одного из контрафактных бельгийских изданий песен французского поэта, где эта вымышленная *прозаическая* цитата, набранная курсивом («Je ne vis, que pour faire des Chansons, si vous m'ôtez ma place, monseigneur, je ferai des Chansons pour vivre»), помещена под упоминавшимся выше портретом фиктивного Беранже.⁴³ В позднейших биографиях поэта эти апокрифические строки, впоследствии растиражированные интерпретаторами Маркса, приводились как остроумный ответ песенника французскому министру, угрожавшему ему увольнением (были и другие версии). Эта легенда, по всей видимости, восходит к автобиографическому примечанию самого Беранже к одному из самых популярных своих политических стихотворений «Les Oiseaux» («Птицы»): «Песня попала в руки полиции. Беранже сделали выговор и грозили лишить его должности. Тогда-то отвечал он, смеясь: “Если у меня отнимут место, я сделаюсь журналистом. Что для них лучше?” Его оставили в должности экспедитора».⁴⁴

По иронии судьбы Маркс пустил в идеологический оборот литературную коммерческую фальшивку (так сказать, «призрак Беранже»), «примкнув» к ряду введенных в заблуждение бельгийским издателем авторов.

Но мы ушли в сторону. Летом 1827 года новая «песня Беранже» о капитане становится известна в пушкинском кругу. А. И. Тургенев в письме к брату Николаю из Эмса от 17 июля 1827 года сообщает, что в тот день он читал новые стихи Вяземского «Коляска» и «подтягивал» внучке фельдмаршала Суворова кн. Марье Аркадьевне Голицыной, исполнившей романс на «слова Беранжера “T'en souviens-tu?”», восхитившие Тургенева: «Они так хороши, что хочется прислать их к тебе. Он не называет Наполеона, но все подвиги Франции и Наполеона — в воспоминаниях старого солдата».⁴⁵ На том же вечере у Голицыной был и ее давний поклон-

⁴³ Эта цитата также приводится в сноске к стихотворению Беранже «Adieux à la Campagne» в изд.: *Ideler L. Handbuch der französischen Sprache und Literatur*. Berlin, 1835. Bd 4. S. 292. Соблазнительно предположить, что и Пушкин мог обратить внимание на эту приписанную Беранже цитату, — вопрос о цене вдохновения был для него тогда весьма актуален (от «Разговора книгопродавца с поэтом» (1824) до «Египетских ночей» (1835)).

⁴⁴ *Dernières chansons de P. J. de Béranger: 1834 à 1851*. Paris, 1859. P. 260. Цит. по русскому переводу М. Михайлова: *М. И. Птицы // Слово*. 1878. № 11. С. 144.

⁴⁵ Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872. С. 43. Французская песня о капитане была хорошо известна в России в 1830—

ник В. А. Жуковский.⁴⁶ Сам Пушкин мог слышать этот романс в исполнении Голицыной на одном из ее музыкальных вечеров в Петербурге в мае 1828 года, но к этому времени текст его пародии уже был написан.

Иначе говоря, несмотря на существовавшие издания Дебро,⁴⁷ песня о тоскующих по героическому прошлому наполеоновских ветеранах в 1820-е годы в Европе прочно ассоциировалась с именем Беранже. Ошибочная атрибуция была устранена только в начале 1830-х годов.⁴⁸ Видимо, отсылку к этой песне Дебро Беранже сознательно — ради восстановления справедливости — ввел в свой поэтический реквием по умершему последователю:

Бедный Эмиль — он пред нами мелькнул
Милой веселью, лучистою тенью;
Много блуждает напевов его,
От поколенья летя к поколенью.
В области песен веселых царя,
Дал он шарманкам и хорам свободу;
Из кабачка в кабачок шли за ним
Песни любви к беднякам и народу...
<...>

1860-е годы: она упоминается в произведениях Казака Луганского В. И. Даля («Вакх Сидоров Чайкин», 1843), Д. В. Григоровича («Проселочные дороги», 1852) и М. Е. Салтыкова-Щедрина (высмеивается в «Помпадурх и помпадуршах»). Последний куплет этой песни цитируют В. С. Печерин в эпитафии к главе «Новинциат (1840—1841)» в «Замогильных записках» и А. И. Герцен в четвертой части книги «Былое и думы», где описывается «медовый месяц» и крушение Французской республики: «Об этих днях я много писал. Я мог бы тут кончить, как старый капитан в старой песне: “*Te souviens-tu?.. mais ici se m’arrête, / Ici finit tout noble souvenir*”. Но с этих-то проклятых дней и начинается последняя часть моей жизни» (Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 10. С. 24).

⁴⁶ Жуковский В. А. Полн. собр. сочинений и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 13. С. 273.

⁴⁷ Chansons nationales et autres. Paris, 1822. P. 256—258; Paris, 1826. P. 140—142.

⁴⁸ Представление о возможной принадлежности этой песни Беранже дошло до начала 1840-х годов. См., например: «В песне, приписываемой Беранже, на которую он не предъявляет прав, мы находим следующий трогательный призыв к французскому воинству» (Fraser’s Magazine for Town and Country. 1842. Vol. 26. P. 747). Сам Пушкин мог узнать о ее настоящем авторе из примечания к стихотворению «Эмиль Дебро» в имевшейся в его библиотеке (и, кстати, запрещенной цензурой к ввозу в Россию в 1833 году) книге Беранже, посвященной Люсьену Бонапарту (Chansons nouvelles et dernières de P. J. de Béranger, dédiées à M. Lucien Bonaparte. Paris, 1833; Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 157. № 599). Страница с этим примечанием разрезана поэтом (р. 237).

В сумрак могилы сошел молодым.
— Старый — его провожал я угрюмо;
Из кабачка долетел к нам напев
Пьяниц каких-то среди гула и шума.⁴⁹

ПАМЯТЬ ЖАНРА

К европейской истории песни мнимого Беранже относятся многочисленные отсылки к ней и пародии на нее (французские, бельгийские, голландские, немецкие, датские, итальянские, испанские, английские, чешские и польские; либеральные, монархические, националистические, милитаристские, антивоенные, комические и эротические; студенческие, гимназические, журналистские и «простонародные»), начиная с шуточного перепева, написанного ее настоящим автором («La Riporée»).⁵⁰ Переводы и вариации на тему этого стихотворения появлялись на разных языках вплоть до середины XIX века.⁵¹ Не стала исключением и Россия.⁵²

17 сентября 1832 года поэт-патриот Михаил Иванович Максимов (ок. 1810 — не ранее 1859)⁵³ опубликовал в «Северной пчеле» приуроченное к Бородинской годовщине стихотворение «Воспоминания воина. (Подражание Беранже)» на голос «T'en souviens-tu, disait un Capitaine». Эта же песня вышла в первой части его сборника «Минстрель: Песни» (М., 1833) с посвящением его высокопревосходительству Ивану Ивановичу Дмитриеву.⁵⁴ В 1836 году Мак-

⁴⁹ Беранже Ж. П. Полн. собр. песен. СПб., 1905. Т. 3. С. 272—273; пер. А. А. Коринфского. Курсив наш. — И. В.

⁵⁰ Сразу за этой песней в издании Дебро 1826 года (р. 142—144) помещена пародия на нее под названием «La Riporée», «где с использованием структуры и узнаваемых вкраплений из “Капитана” на мелодию Доша описана жизнь довольно буйных бродяг» (Гаврилов А. К. Наш ответ бонапартистам. С. 218). Примечательно, что в мартовском номере журнала «Le kaléidoscope: journal de la littérature, des mœurs et des théâtres» за 1828 год выходит написанный на голос песни о капитане «Ответ г-ну Беранже» («Réponse à M. de Béranger»). Le kaléidoscope: journal de la littérature, des mœurs et des théâtres. Bordeaux, 1828. Т. 10. P. 291—292.

⁵¹ См.: Hougaard Ch. “Erindrer de” chez les peuples slaves // Revue des études slaves. 1977. Т. 50. Fasc. 3. P. 403—416.

⁵² Об истории русского восприятия Беранже см.: Старицына Э. А. Беранже в русской литературе. М., 1980.

⁵³ О поэте М. И. Максимове, представляющем собой «архаический по типу, хотя и распространенный в 19 в., феномен “поэта-патриота”, продолжающий традицию одописцев 18 в.», см. статью В. Г. Беспрозванного и Р. Г. Лейбова в биографическом словаре «Русские писатели. 1800—1917» (М., 1994. Т. 3. С. 484).

⁵⁴ Как отмечают Беспрозванный и Лейбов, в «Минстреле» «соединились офицонная риторичность с ориентацией на песенную традицию Беранже» (Там же).

символ напечатал это стихотворение в брошюре «Патриотические песни» (1836; с приложенными нотами и посвящением вел. кн. Михаила Павловичу). Во второй половине XIX века оно вошло в репертуар солдатских песен и приобрело широкую известность.

Прочитируем этот дифирамб российским победам от 1812 до 1832 года целиком:

* * *

Ты помнишь ли, товарищ неизменный,
Так капитан солдату говорил:
Ты помнишь ли, как гром грозы военной
Святую Русь внезапно возмutil?
Ты помнишь ли, как мы под знаменами
Отечества сражались со врагом?
Как он бежал несметными толпами?
Скажи, солдат: ты помнишь ли о том?..

* * *

Ты помнишь ли поход тот незабвенный,
Когда мы шли Царей восстанавливать,
Когда нас вел наш Царь Благословенный
Желанный мир народам даровать?
Ты помнишь ли, как наш орел двуглавый
На высотах Монмартра, бросив гром,
Дал миру мир во имя Русской славы?
Скажи, солдат: ты помнишь ли о том?..

* * *

Ты помнишь ли, когда Париж надменный
Нам отворил заветные врата,
И отдал лавр, коленопреклоненный,
И ждал от нас с покорностью суда?
Ты помнишь ли, как русские знамена
Явились в нем с победным торжеством
И мир сложил ярмо Наполеона?..
Скажи, солдат: ты помнишь ли о том?..

* * *

Ты помнишь ли, как с громом НИКОЛАЯ
Мы перешли заоблачный Кавказ!
Как дух вражды грома и укрощая
К победам вел герой Паскевич нас!

Ты помнишь ли, когда над Эриванью
Вознесся наш, каратель злобы, гром
И нам Иран предстал с покорной данью?..
Скажи, солдат: ты помнишь ли о том?..

* * *

Ты помнишь ли: как Русский за Балканы
Перешагнул? — Ни меч, ни тяжкий зной
Не заградил пути во вражьей страны
И музульман бежал гоним грозой!..
Ты помнишь ли, как мы в Адрианополе
Явились вдруг с губительным штыком...
И нам открыт был путь в Константинополь...
Скажи солдат: ты помнишь ли о том?..

* * *

Ты помнишь ли, как древней нашей славы
Не признавать дерзнул мятежный Лях?..
Ты помнишь ли, как он в стенах Варшавы
Раскаялся — и пал, погранный, в прах?
Ты помнишь всё, товарищ славы бранной!
Дай руку мне, войди в мой мирный дом...
Жив Русский Бог! Жив ЦАРЬ Боговенчанный!
И Русь славна!.. Да помнят ввек о том!⁵⁵

В сборнике композитора-фольклориста Вильгельма Наполеоновича (sic!) Гартевельда «1812-й год в песнях: собрание текстов 33 русских и французских песен эпохи нашествия Наполеона I-го в Россию в 1812 г.» (М., 1912) приводятся первые три строфы этой «солдатской песни про 1812—1814 годы», с некоторыми изменениями⁵⁶. «Песня эта, — говорится в публикации, — очень красивая по мелодии, возникла сначала у французов, и текст у них посвящен воспоминаниям французского капитана о победах Наполеона и о его походах. Впоследствии возник русский текст песни, где говорится о победах Александра I. В конце концов надо еще прибавить, что автор мелодии немец Голтей».⁵⁷

⁵⁵ Максимов М. И. Минстрель. М., 1833. Ч. 2. С. 11—14.

⁵⁶ Отдельным изданием с нотами эта «приноровленная к русским чувствам» песня вышла в изд.: Гартевельд В. Н. Ты помнишь ли?: Солдатская песня про 1812 год: Для пения соло с аккомпаниментом фортепьяно. Записал и гармонизировал В. Н. Гартевельд. СПб., [б. г.].

⁵⁷ Гартевельд В. Н. 1812-й год в песнях: Собрание текстов 33 русских и французских песен эпохи нашествия Наполеона I-го в Россию в 1812 г. М.,

О существовании пушкинского патриотического нецензурного варианта, напечатанного Гаевским в 1861 году, составитель сборника ничего не говорит (очевидно, не знал). Судя по зачину, именно эту солдатскую песню, сочиненную Максимовым, пародирует переводчик Беранже Василий Курочкин в стихотворном памфлете на катковский журнал «Русский вестник» «Ты помнишь ли, читатель благосклонный».⁵⁸

О. И. Сенковский в рецензии на «Патриотические песни», напечатанной в «Библиотеке для чтения» в 1836 году, не только едко высмеял фанфаронаду Максимова, назвав ее «самым явным подражанием *Московским Ведомостям*», но и намекнул на ее литературную генеалогию: желая написать «Воспоминания Русского воина», автор якобы «взял их из “воспоминаний Французского воина”, то есть из известной песни Беранже — “Помнишь ли ты, храбрый воин” и еще не из *Французского подлинника*, но из *рукописного Русского подражания этой песне*. Это самый новый и удобнейший способ вспоминать без утруждения своей памяти».⁵⁹ Весьма вероятно, что Сенковский намекает здесь на пушкинскую нецензурную пьеску, разошедшуюся в многочисленных списках под разными названиями — «Пародия», «На голос: *Te souviens-tu?*», «Французская песня» и просто «Песня».⁶⁰

1912. С. 41. Здесь явная ошибка публикатора, назвавшего композитором немецкого поэта и драматурга Карла фон Холти (Karl von Holtei, 1798—1880), переложившего в 1825 году «*Te souviens-tu, disait un capitaine*» для своего зингшпиля о Тадеуше Костюшко «*Der alte Feldherr*» («Старый генерал»). Рефреном этой «арии» были слова «*Soldat, denkst du daran?*» («Солдат, ты думаешь об этом?»).

⁵⁸ Курочкин В. С. Песни, сатиры и рифмы (оригинальные и переводные). СПб., 1869. Т. 2. С. 103. Еще раньше, в 1840 году, мотив песни о капитане использовал для своего переложения известного стихотворения Беранже «Мой фрак» («*Mon Habit*», 1819) водевиллист Д. Т. Ленский: «Будь верен мне, приятель мой короткий, / Мой старый фрак, другого не сошью» (*Смирдин М.* Песни для русского народа: с приложением куплетов: В 2 т. СПб., 1839. Ч. 1. С. 357). Заметим, что от «*Mon Habit*» отталкивался князь Вяземский в знаменитом «Послании к халату» («Прости, халат! Товарищ неги праздной...», 1817, опубл. 1821). Известна также пародия Ф. А. Кони «Дифирамб искреннему другу мелочному лавочнику» (1848) на комплиментарную переделку французской песни в честь благодетеля Излера: «Хвала тебе, торговец благородный...», с рефреном: «Ты помнишь ли? но не забудем мы!» (Поэты 1840—1850-х годов. Л., 1972. С. 333—334 («Б-ка поэта». Большая сер.)). В свою очередь, формулы из песни Максимова прочно вошли в лексикон русской военно-патриотической песни: «Блести, товарищ неизменный, / Блести, мой треугольный штгык! / Как к брату брат, о друг мой верный, / Так точно я к тебе привык» (*Володкович Н.* К штгыку // Библиотека для чтения. 1836. Т. 18. № 9. Отд. I. С. 21).

⁵⁹ Библиотека для чтения. 1836. Т. 17. № 7. Отд. VI. С. 4.

⁶⁰ См. перечень списков и упоминаний этой песни: III, 1151—1152.

Примечательно, что именно эти «народные» куплеты Максимова, ставшие своего рода эталоном официально-простонародного русизма в период (подавления) европейских революций, подразумевает лесковский священник Савелий Туберозов в дневниковой записи о «новых новостях» от 9 декабря 1849 года, посвященной «фраштыку» у недавно назначенного городничего, который «подвыпив изрядно» пел: «Ты помнишь ли, товарищ славы бранный?»⁶¹, а «сынишка его, одетый в русской рубашке» продолжал: «Ах, мороз, морозец, молодец ты русский!»⁶¹

К концу XIX века «Ты помнишь ли, товарищ неизменный» становится одной из самых популярных солдатских песен⁶² и часто упоминается в художественной литературе. Ее разучиванию и исполнению в школе кантонистов посвящен колоритный пассаж из книги В. Н. Никитина «Многострадальные»:

Федоренко обращается к хору с наставлением:

— Хорошенько откашляться; в пении у меня не хрипеть, вперед не выскакивать, позади тоже не оставаться. Брать тон дружно, вместе, всякий голос знай свой такт. Где нужно тихо — щебечи, как снегирь, где надо громко — стрельни, как пушка. Чувствуете? Ну, а где надо ровно, плавно — раздробись на соловьиную трель и тяни раскатисто, как ружейная стрельба. Слышали? Поняли? Ну, с Богом! «Ты помнишь ли, товарищ неизменный?» Сапунов, начинай со мной вместе. (Сапунов, мальи́й лет 20, был главным его помощником и запевайкой.) Раз-два-три!

— «Ты помнишь ли, товарищ неизменный?» — запекает Федоренко, подперев щеку левою рукою. — «Так капитан солдату говорил; ты помнишь ли, как гром грозы военной святую Русь внезапно возмутил?»

Песенники подхватывают.

— Отставить! — вдруг среди песни гаркнул Федоренко, побавляя глас.

Хор смолкает.

— Ну как вас не пороть, сви́ньи? Как вас не пороть, когда вы своим криком режете кишки мои, визжанием пилите мне по сердцу? Козлы вы этакие! Берегись! «Грянул внезапно»... слушать меня! Припевать в такт! Вздую, ей-ей, вздую.⁶³

⁶¹ Лесков Н. С. Божедомы: (Эпизоды из неоконченного романа «Чающие движения воды») // Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 2000. Т. 7. С. 96.

⁶² Известна, в частности, ее переделка, приспособленная к севастопольской кампании: после слов «когда мы шли» здесь вставлено было «под Севастополь» (Клепиков С. А. Русская песня. М., 1939. С. 136).

⁶³ Никитин В. Н. Многострадальные: Очерки прошлого. СПб., 1895. С. 49.

Песня мнимого Беранже имела и другие патриотические отголоски в русской поэзии. Так, комментаторы пушкинского стихотворения о капитане указывают на курьезные стихи приятеля Вяземского, веселого стихоплета и композитора-дилетанта князя Александра Сергеевича Голицына (1789—1858) «Песнь, петая русским гренадером в Париже французскому ветерану, в ответ: *Te souviens tu*», опубликованные без прохождения цензуры в Ленчице Калишской губернии в том же революционном 1849 году. Автор этих незатейливых куплетов, возможно подражавших пушкинским, был участником Бородинского сражения, закончил войну в чине капитана, впоследствии принял участие в подавлении Венгерской революции и с 1843 по 1858 год служил калишским военным губернатором:

К чему поешь — о нищий Ветеран!
Без смысла песнь — где жлет твой Капитан?
К чему опять — Вы рветесь с нами в драку
Забыли вы — Сколько биты были в сраку?
<...>
Припомнишь ли — как мы вдоль всей Европы
Стреляли мы — не в лица Вам, но в жопы
Припомнишь ли — как стыдно под конец
Ты сдал Париж — без боя, как подлец!⁶⁴

Любопытно, что эта череда издевательских напоминаний, адресованных нищему французскому ветерану, заканчивается на примитивной ноте, видимо соответствовавшей историческому моменту (подавление «европейской весны» с помощью российской армии и восстановление старого порядка в Европе):

Я все сказал, — время помириться
Целуй меня — перестань сердиться
Я так же дряхл — дай руку мне пожать
А уж тогда — легко нам умирать.

ХОР. Забыл уж я — как шибко ты бежал
Забудь и ты — Кто сильно Вас бивал, bis.

⁶⁴ [Голицын А.] Песнь, петая русским гренадером в Париже французскому Ветерану, в ответ: *Te souviens-tu?* [Ленчиц, 1849]. Цит. по экземпляру с авторской правкой из собрания Российской национальной библиотеки. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1192048/?ysclid=lo5h1dqhlh626864487 (обращение: 28.10.2023).

Шутливый характер этого стихотворения подчеркивается посвящением «моему другу» барону Николаю Романовичу фон Бистрому (1806—1873), офицеру лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка, и указанием на обстоятельства, при которых была сочинена эта песня:

Александр Князь ГОЛИЦЫН 5.
От скуки при рекрутском
наборе 22 Сентября (4 Октября)
1849 года. В Г. Ленчице.

Известен еще один (кавказский) перепев песни о капитане на русский лад, представляющий собой воспоминания русского офицера о горской экспедиции и битве за Гимры, столицу имама Шамиля, в октябре 1832 года. По словам барона А. Е. Розена, старший адъютант корпусного штаба Лев Львович Альбрандт (Альбранг; 1804—1849) воспел в нем «главных вождей того времени на Кавказе в подражание известной песни *Беранже*»:

Не помнишь ли, товарищ славной брани,
Когда мы шли, неся и смерть и страх,
Когда удар могучей русской длани,
Вздвогнув, познал наш непокорный враг?
Когда дрожа, со страхом перед нами,
Свободы знамя Горец преклонил,
Когда у нас горячими слезами,
Как робкий раб, пощады он молил.

Не помнишь ли, как на скалах Галгая
Наш гром за сводом дальних облаков
Гремел и, горы грозно потрясая,
Борьбу небесных потрясал громов?
Забыл ли ты, когда Мюрат Кавказский,
Наш храбрый Засс, летя вперед с мечом,
В Герменчуке нас вел на приступ адский
И взял завал, в окоп влетя орлом?

Не помнишь ли, товарищ мой прекрасный,
Когда в лесу средь неприступных скал
Наш злобный враг готовил пир ужасный
И дерзко звал на гибельный завал?
Когда пошли — и бездны задрожали —
Вольховский вел вперед со славой нас:

Там каждый шаг мы кровью обагряли,
Но смело шли — и страх склонил Кавказ.

Забыл ли ты, когда наш *Розен* смелый
Через бездны в бездну Гимрскую провел,
Когда кавказцам, воин поседельный,
Он новый лавр победный приобрел?
Когда на льдистом теме Гимридага
Наш *Вельяминов* знамя воздрузил,
И в пасти страшной Гимрского оврага
Он колыбель злодеев сокрушил?

Не помнишь ли, но нет... я перестану,
Товарищ мой, бывшее вспоминать;
Когда от бури жизни я устану,
С семьей родной дни буду доживать,
Прийди тогда, молю, в мою ты хату,
Ее огнем любви ты озари;
С тобой молиться будем мы Пенату,
Любви святой воздвигнем алтари!⁶⁵

Наконец, следует упомянуть еще один случай российской трансформации песни Беранже, на этот раз прямо связанный с более ранней пушкинской пародией. Михаил Федорович Федоров в своих «Походных записках на Кавказе» рассказывает о состоявшемся накануне занятия в 1838 году ущелья Шапсуго разговоре с одним капитаном:

Во время закуски он по-прежнему начал просить меня, после десанта, написать что-нибудь по случаю участия в этом деле корпусного командира, и добавил: «Нельзя ли, вот, например, на этот голос?» и запел куплет из пародии на известную французскую патриотическую песню Беранже:

«.
Да что с тобою толковать нам много;
Не из таких мы прочих, так сказать.
А встарь мы вас наказывали строго...
Ты помнишь ли, француз е. . . .».

⁶⁵ *Розен А. Е.* Записки декабриста. Лейпциг, 1870. С. 377. В публикации в «Отечественных записках» (1876. № 11) указание на авторство Беранже снято и приведенные стихи названы пародией «известной песни в память наполеоновских войн и походов: "Т'en souviens-du? disait un capitaine"» (с. 133).

«Знаю, знаю», — перебил я его, заметив, что наша беседа обращает на нас внимание людей весьма солидных.⁶⁶

На другой день Федоров передал своему капитану написанную им «песню на занятие Шапсуго на голос: “Т'en souviens-tu, disait un capitaine”»:

К Творцу миров взнесем молитвы, други,
Он нас в час битв десницей осенил:
В горах Туапсе, на берегах Шапсуги,
Победный путь наш Он благословил.

Давно ль точил черкес свои булаты,
И встретить нас в Шапсуго слово дал?
Но лишь сверкнул в долине штык крылатый —
И враг-хвастун стремглав от нас бежал.

Он не забыл туапского ущелья,
Где с верой в Бога вышли мы на брег,
Где дали мы веселое сраженье —
И где враг бросился в постыдный бег.

Нам не забыть Шапсуг с его горами,
Где чуть явились ряды дружин —
И враг в лесах спасался перед нами;
Где с нами был бесстрашный Головин.

Друзья! вождям — сердец благодаренье,
Надежды звездами они в боях!
Они грозой врагам, в огонь сраженья
Идут бесстрашно с первыми в рядах.⁶⁷

«Дня через три после написания этой песни, — продолжает Федоров, — капитан говорит мне: “Что это такое? когда я сам пою вашу песню — идет хорошо, у песенников что-то не складно; хотел переменить голос, но, черт знает, никакой не приходится; пробовал и «При долинушке», и «Среди долины» — все-таки не приходится; порешил оставить для себя — буду петь под гитару. Сделайте милость, не обижайтесь»». Мемуарист замечает, что «хорошо понял причину затруднения песенников, привыкших петь, так сказать, под

⁶⁶ Федоров М. Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // Кавказский сборник. Тифлис, 1879. Т. 3. С. 142.

⁶⁷ Там же. С. 144—145.

барабан, в четный такт, и потому весьма естественно, что пятистопный ямб напеву их не подчинялся». ⁶⁸ Между тем проблема здесь была не в пятистопном ямбе (песня Максимова успешно исполнялась армейскими песенниками на несколько упрощенный вариант мелодии Доша), а, скорее всего, в качестве самих возвышенно-невыразительных («надежды звездами») и труднопроизносимых стихов («миров взнесем», «враг в лесах» и т. д.).

Наконец, в николаевское царствование в списках ходило стихотворение Петра Саакадзева «Песня. Подражание Беранжеру», начинавшееся стихом: «Ты помнишь ли, спросил у инвалида...» ⁶⁹ Автор этого переложения «Т'en souviens-tu» происходил из известного грузинского княжеского рода, учился в Первом Кадетском корпусе, участвовал в Русско-турецкой войне 1828—1829 годов и в подавлении польского восстания. Любопытно, что в середине 1830-х годов он оставил военную карьеру и стал учителем русской литературы в польских гимназиях, где требовал от учеников «выбить из головы Польшу». В 1849 году он был отправлен в отставку за «беспокойный и сварливый нрав». ⁷⁰

Как видим, в царствование Николая I в России сформировалась целая традиция (суб-жанр) патриотических (серьезных, шуточных, издевательских) перепевов стихотворения мнимого Беранже, у хронологических истоков которой, по всей видимости, находится «солдатская песня» Пушкина, первым заменившего историческую меланхолию оригинала бравурными куплетами в честь героических командиров и российских побед. (Показательно, что в опубликованной М. А. Щербининым тетради П. П. Каверина конца 1820-х — начала 1830-х годов были записаны и французская песня о капитане, и пушкинская пародия, и «Воспоминание война» Максимова — очевидно, что единство жанра хорошо осознавалось товарищем Пушкина.) На сюжетно-стилистическом уровне к этой литературной традиции (но с иной метрической схемой) примыкает и «простонародная» батальная баллада большого поклонника французского поэта М. Ю. Лермонтова «Бородино» (1837), воспроизводящая ключевые формулы песни мнимого Беранже, пропущенные, как в версиях Пушкина и Максимова, сквозь сознание (язык) старого солдата-ветерана:

⁶⁸ Там же. С. 145—146.

⁶⁹ См.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М., 1980. Ч. 2. С. 266.

⁷⁰ Цабан В. Русские учителя в Королевстве Польском в XIX — начале XX века // Столица и провинция в истории России и Польши. М., 2008. С. 288.

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые?
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!»

<...>

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...⁷¹

Как пронизательно заметил К. В. Душенко, образ лермонтовского «дяди» можно считать «частичным аналогом образа гроньяра» — солдата-ворчуна из наполеоновского мифа французской литературы. Такое сходство, по мнению исследователя, становится еще заметнее, «если вспомнить, что в “ворчании” дяди (“Богатыри — не вы!”) нередко усматривали аллюзию на уход с исторической сцены поколения декабристов».⁷² Уточним, что не только (или не столько) декабристов, но всего поколения героев Наполеоновских войн, оплакиваемых в песнях Беранже и Дебро.

Новый импульс национально-политическим переделкам песни псевдо-Беранже в стиле *à la russe* дала Восточная (Крымская) война

⁷¹ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 2014. Т. 1. С. 282—283; курсив наш. — И. В. См. также перепев русского переложения Беранже в ученическом стихотворении М. М. Стасюлевича «Инвалид», помещенном в рукописном журнале учеников Ларинской гимназии «Нестройная лира» 1840 года: «Ты помнишь ли мои забавы / И помнишь ли Бородино, / Когда мы в цепь Российской славы / Вплетали славное звено!? / Ты знаешь воина игрушку, / Непобедимый Русский штык, / Когда, начав с врагом пирушку, / Он кончит пир победой в миг. / Хотя штык кован не из золота, / Да лишь бы весело шалил / И с ним ты Русского солдата / Наверное не позабыл / Ты помнишь общее веселье, / Когда скомандуют: в штыки! / И тут врагам всегда похмелье, / Похмелье славное в крови. / Какое, друг, воспоминанье / Во мне всё это возбудит! / С тех пор люблю солдата званье? / Горжусь, я русский Инвалид» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1911. Т. 1. С. 34—35). Отголоском песни «Беранже» является стихотворение М. А. Демидова (1818—1841) «Воспоминания воина» («Ты помнишь ли, брат, как молва прилетела...») (Демидов М. А. Дельные безделки. М., 1840).

⁷² Душенко К. В. Никола Шовен, легендарный патрон шовинизма // Литературоведческий журнал. 2022. № 2 (56). С. 55.

1853—1856 годов, вернувшая к жизни образ хвастливого французского интервента и воспоминания о былой русской славе, предлагавшие, как точно заметила Ольга Майорова, «одну из возможностей утвердить статус России как первостепенной европейской державы».⁷³ В 1854 году в «Москвитянине» появляется стихотворение давно забывшего о своем былом либерализме П. А. Вяземского «Не помните?» (с французским эпиграфом из песни о наполеоновском капитане), написанное в Карлсруэ и служащее ярким примером свойственного некоторым русским (и не только русским) поэтам умения жонглировать историческими шапками под барабанное биение себя в грудь пятистопными ямбами:

У вас, господ из шайки Бонапарта,
Набегами тревожившей весь свет,
У вас своя история и карта,
Где черных дней, где темных точек нет.
Свой ряд имен пустили вы в огласку,
Ведете счет одним удачным дням;
А там, где мы путем вам дали таску,
Не помните? — так мы ж напомним вам.⁷⁴

Обращение Вяземского к старому мотиву было ответом на новую волну бонапартизма во Франции, где песня о капитане опять вошла в моду и распевалась на новый лад в связи с войной в России⁷⁵. В конце жизни знаток, хранитель и популяризатор француз-

⁷³ *Maïorova O.* From the shadow of empire: Defining the Russian nation through cultural mythology, 1855—1870. Madison (WI), 2010. P. 129.

⁷⁴ Цит. по публикации в характерном сборнике того же времени: *Путтилов Н.* Сборник известий, относящихся до настоящей войны. Отд. 5. Патриотизм России. Стихотворения. М., 1855. С. 141. Ср. пародию на мемориально-патриотическую тему в шуточном перепеве лермонтовского стихотворения Д. Д. Минаева «Война и мир» (1868): «Скажи-ка, дядя, без утайки, / Как из Москвы французоз шайки, / Одетых в женские фуфайки, / Вы гнали на ходу» (*Минаев Д. Д.* Избранное. Л., 1986. С. 117).

⁷⁵ Известно несколько ура-патриотических французских переделок песни о капитане, включавших отсылки к севастопольской кампании (например: «Te souviens-tu, des plaines de Crimée, / Dont sous nos pas, on vit trembler le sol, / Te souviens-tu qu'un jour la Renommée, / De ses cent voix, cria Sébastopol!», etc. — *Blainville J. de.* Zou-zou dis-moi, t'en soviens-tu // *Album chantant, ou La chanson de tous et pour tous.* Paris, 1864. Т. 3. P. 161). Очень любопытно переложение песни Дебро, напечатанное в 1854 году под названием «L'Invalide» и датированное днем высадки союзников в Крыму (14 сентября): старый солдат (одна из реинкарнаций Николая Шовена) возвышенно напутствует своего идущего на новую войну сына, вспоминая одну за другой десять ран, которые он получил в десяти

ской песенной традиции Вяземский обвинил Беранже в поэтическом воскрешении Наполеона:

Да, песней тех не будь, да, *Беранже не пой* —
И ваш Наполеон, отшедший на покой,
Остался б на скале и после смерти узник;
Не вспомнили б о нем ни маршалы, ни блузник.
Но ловкой выходкой удачного певца
Французские умы, французские сердца,
Под обаянием и магнетизмом песни,
Давно умершему сказали: «Ты, воскресни!»
И ожил их мертвец, воскрес Наполеон.
(«Santa Elena», 1864)⁷⁶

LES LANCIERS COSAQUES

Вернемся к «Рефутации» Пушкина. Совершенно очевидно, что ее автор не перепутал сочинителя военно-ностальгической песни о капитане, не был обманут лукавым мистификатором вроде Мери-ме и сам не мистифицировал публику, а, ориентируясь, как многие его современники, на брюссельское издание, счел это популярное стихотворение политическим манифестом нелюбимого им поэта и образцом новой французской национально-демократической песни. Но зачем он решил его опровергать с помощью снижающей (унижающей) пародии под маской грубого солдата-патриота? (Заметим,

наполеоновских батаях (см.: *Brame Ch. A. H. Chants de la guerre de Russie: A l'alliance anglo-française. Paris, 1854. P. 22).*

⁷⁶ *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 58. Забегая (далеко) вперед, укажем, что эхо мемориально-фамильярно-компенсаторской песни о капитане, абсорбирующей сентиментально-элегическую по своему происхождению формулу-эмотив «скажи, [солдат,] ты помнишь?», слышится во многих стихотворных дружеских посланиях-песнях о войнах и военных конфликтах XX—XXI веков — от «Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались, / Как нас обнимала гроза?» (Михаил Светлов) и «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины» (Константин Симонов) до (пост)советской элегической военной поэзии на темы «никогда не забудем», «нас предали» или «можем повторить» (например, «Скажи, ты помнишь, мой браток, Берлин с тобою взятый» <<https://spasibo.pobeda.tv/contest/55269>; обращение: 28.10.2023>). В заключение экскурса в историю русской военной песни на мотив фальшивого Беранже вспомним радикальное переосмысление традиционного элегического монолога застрявшего в прошлом капитана в замечательной песне «русского Беранже» XX века Владимира Высоцкого «Случай в ресторане» (1967): «Он все больше хмелел. Я за ним по пятам. / Только в самом конце разговора / Я обидел его, я сказал: — Капитан! / Никогда ты не будешь майором!» (*Высоцкий В. С. Избранное. М., 1988. С. 44).*

что в ноябре 1827 года отношения имперской России и королевской Франции были прекрасными — только что вместе с англичанами союзники разгромили турецкий флот в Наваринской бухте.)

Александр Гаврилов в числе возможных причин указывает на резкое неприятие Пушкиным бонапартизма, угрожавшего политической стабильности Европы.⁷⁷ Добавим, что в ноябре 1827 года (к слову, 18 брюмера / 9 ноября — свято чтимый бонапартистами день прихода к власти Наполеона) Франция оказалась на грани нового переворота: победа на выборах либералов и националистов привела к уличным волнениям и баррикадным боям в Париже. В этом же году бонапартистская тема проникает в высокую поэзию («Ода колонне Вандомской площади» («Ode à la Colonne de la Place Vendôme») Виктора Гюго), выводя наполеоновскую легенду на новый — политико-эстетический — уровень.

Наконец, в том же году в Эдинбурге выходит многотомное исследование Вальтера Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов» («Life of Napoleon Buonaparte, Emperor of the French»; во французском переводе, напечатанном в 1827 году в Париже, — «Vie de Napoléon Buonaparte, Empereur Des Français»), представляющее наполеоновскую эпопею как историю наказания Франции за надменность и слепой эгоизм великого военачальника и государственного деятеля. Российская кампания Наполеона рассматривается в седьмом томе английского издания. Причину «этой самой страшной катастрофы» Великой армии Скотт видит не в суровой русской зиме, а в «моральной ошибке и даже преступлении» Наполеона, вызвавшего своими оторванными от реалий действиями подъем русского национального чувства «от берегов Борисфена до стен Китая», которое «вооружило» против него «разноплеменных обитателей сей обширной Империи, любящих свою веру, свое правление и свое отечество с такою пламенной преданностью, которой он не в состоянии был оценить».⁷⁸ Критика деятельности Наполеона Вальтером Скоттом немедленно вызвала отповедь адъютанта императора, бывшего генерала гвардии Гаспара Гурго (Gaspard

⁷⁷ В этом стихотворении исследователь видит «русский отклик на европейские споры об исторической роли Наполеона в ответ на сверхпопулярную и за пределами Франции песню Дебро». И далее: «На бонапартистскую ностальгию французских авторов, из которых в России всех известнее был Беранже, пушкинская, судя по внешним свидетельствам, песня-пародия отвечала, в обстановке новых военных предприятий со стороны русского правительства, героическими воспоминаниями о 1812 г.» (Гаврилов А. К. Наш ответ бонапартистам. С. 221).

⁷⁸ Scott W. Life of Napoleon Buonaparte. Edinburgh, 1827. Vol. 7. P. 421—422. Цит. по русскому переводу: Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарте, Императора Французов / Пер. С. де Шаплет. СПб., 1832. Ч. 10. С. 175—176.

Gourgaud, 1783—1752) в трактате «Опровержение “Жизни Наполеона” сэра Вальтера Скотта» («Réfutation de la “Vie de Napoléon” Par Sir Walter Scott»), напечатанном в том же Брюсселе в 1827 году.⁷⁹ Тогда же в Париже и Брюсселе вышел еще один памфлет в защиту памяти Наполеона — «Опровержение доклада капитана Мейтланда, командира корабля “Беллерофон”, о посадке Наполеона на корабль».⁸⁰ Автором этого бонапартистского трактата был либеральный юрист Феликс Барт (Félix Barthe, 1796—1863), ставший в 1828 году адвокатом Беранже на новом «антипесенном» процессе.⁸¹

Установление брюссельского источника «Рефутации г-на Беранже» позволяет конкретизировать исторический и идеологический контекст, в котором могло восприниматься Пушкиным это стихотворение. Так, указание на мотив его исполнения («Du lancier Polonais») включало в ассоциативный ряд современников легенду о верных Наполеону польских уланах, нашедшую отражение в сочиненной поэтом-бонапартистом, «старым солдатом» Эженом де Праделем (Eugène de Pradel, 1784—1857) ко дню возвращения императора в Париж в марте 1815 года песне «Польские уланы. Дань уважения храбрецам, отличившимся в боях под французским флагом» («Les Lanciers polonais. Hommage aux Braves qui se sont illustrés en combattant sous les drapeaux français») (впоследствии мотив этой популярной песни стал основой для гимна революционной Бельгии «La Brabançonne» («La Bruxelloise»)):

Dans la froide Scandinavie,
Du héros retentit le nom.
Soudain la Pologne asservie,
Se lève pour Napoléon.

⁷⁹ См.: Catalogue d'une belle collection de livres. Gand, 1828. P. 9. Публикация этого сочинения, по мнению Гаврилова, могла послужить стимулом обращения Пушкина к жанру réfutation в стихотворении, написанном в конце осени 1827 года (см.: Гаврилов А. К. Наш ответ бонапартистам. С. 220—221). Следует добавить, что только в 1827 году во Франции вышло более десяти книг и брошюр, включавших в название слово «Réfutation» (см.: Bibliographie de la France. 1827. Index). В свою очередь, связь этого жанра с именем Беранже актуализировалась судебным процессом над поэтом и его песнями (см.: Béranger P.-J. de. Procès faits aux chansons. Paris, 1828. P. 146).

⁸⁰ Réfutation de la relation du capitaine Maitland, commandant de le *Bellérophon*, touchant l'embarquement de Napoléon à son bord; rédigée par M. Barthe. Paris, 1827.

⁸¹ В декабре 1828 года во Франции прошел второй процесс над Беранже и его песнями, в результате которого поэт был приговорен к 9 месяцам тюремного заключения и штрафу в 10 000 франков.

Il avait brisé les entraves
 De ce peuple ami des Français.
 Et la France au rang de ses braves
 Compta les lanciers polonais, etc.⁸²

Едва ли Пушкин слышал знаменитую песню «старого солдата» Праделя (или о песне Праделя), но включенная в бельгийские публикации «Souvenir d'un militaire» отсылка к теме национального освобождения Польши с помощью наполеоновской армии (теме, ставшей впоследствии ключевой для Беранже⁸³) могла послужить для него дополнительным раздражителем (как известно, взгляды автора незаконченного послания «Графу Олизару» и «Бориса Годунова» на Польшу как на естественного непримиримого соперника России во славянстве сформировались у Пушкина задолго до восстания и войны 1830—1831 годов⁸⁴).

Показательно, что в исторической перспективе стихотворение о капитане, приписывавшееся Беранже и исполнявшееся на «польский» мотив, стало образцом для нескольких патриотических переделок на польский язык, написанных в начале 1830-х годов.⁸⁵

Приведем в качестве примера «приноравления», говоря словами Гартевельда, «Souvenir d'un militaire» «на польские чувства» анонимную «Песню ротмистра», впервые напечатанную в «Warszawie

⁸² Перевод: «В холодной Скандинавии / Звенит имя героя. / Внезапно поработенная Польша / Восстала за Наполеона. / Он разбил оковы / Этого народа, друга французов, / И Франция среди храбрецов своих / Считала польских уланов и т. д.» (франц.). В публикации в «Poésies révolutionnaires et contre-révolutionnaires» эта песня подписана: «Par Pradel, vieux soldat» (Nancy, 1821. Т. 2. Р. 183—185). Об истории песни см: Ireland W. H. The Napoleon anecdotes. London, 1823. Pt. 3. P. 27.

⁸³ Как хорошо известно, Беранже был активным сторонником польской независимости. В 1830 году он стал одним из инициаторов парижского Польского комитета, в пользу которого напечатал сборник, состоящий из четырех произведений («Спешите», «Понятовский», «14-е июля 1829 г.», «Друзьям, которые стали министрами») и посвящения генералу Лафайету — «Президенту Польского комитета и первому гренадеру варшавской национальной армии» (см. Кацнельсон И. Неопубликованные письма Беранже // Литературное наследство. М., 1939. Т. 33—34. С. 678).

⁸⁴ См.: Беляев М. Д. Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово. С. 259—262.

⁸⁵ См.: Kaleta R. «Wspomnienia weterana»: Polskie potomstwo pieśni Bérangera // Kaleta R. Sensacje z dawnych lat. Wrocław, 1974. S. 210; Zieliński A. Poetyckie echa doby napoleońskiej w powstaniu listopadowym // Prace Polonistyczne: Studies in Polish Literature. 1974. Т. 31. S. 282—286. Автором этих песен польские исследователи считают переводчика и поэта, храброго наполеоновского офицера Людвика Камински (Ludwik Kamiński, 1786—1867).

Oswobodzone» в 1830 году⁸⁶, а в следующем году перепечатанную с изменениями в составе комической оперы в трех актах «Popłoch Moskali» («Испуг москалей»); текстом-посредником здесь, как полагает польский исследователь Р. Калета,⁸⁷ стало переложение песни о капитане в стихотворном дуэте Тадеуша Костюшко и храброго солдата Лагиенки из немецкого зингшпиля Карла фон Холти «Der alte Feldherr» («Старый генерал») 1825 года.⁸⁸ Польский офицер напоминает солдату-соотечественнику о том, как храбро они сражались под предводительством Костюшко за свободу Польши от Московии:

Czyli pamiętasz — mówił do żołnierza
Poważny rotmistrz od znaku pancerza —
Czyli pamiętasz, jak z kosynierami,
Mężnie walczyłeś pod Raclawicami?
Czyli pamiętasz, jak wobec Kościuszki,
Wpadł jeden Polak na moskiewskie puszki,
Przez jedno czapkę zapalu pokrycie
Ocalił wodza, i rycerzy życie?⁸⁹

Большой популярностью пользовалось еще одно вышитое по канве песни «Беранже» стихотворение «Памяти старого рыцаря» («Wspomnienie starego rycerza»), напечатанное в 1833 году в сборнике «Bard nadwiślański, nad brzegami Duransy i Rodanu». «А помнишь

⁸⁶ См.: *Kaleta R.* “Wspomnienia weterana”. S. 238.

⁸⁷ *Popłoch Moskali: Komedyo-opera we trzech aktach.* Warszawa, 1831. S. 14–15.

⁸⁸ Куплеты старого солдата Лагиенки на мелодию «Soviens-tu...» Доша получили широкое распространение в немецкой литературе и вызвали целый ряд подражаний и переделов, включавших написанную в 1870 году известную антивоенную песню «Ich bin Soldat» (финальная строфа: «Ihr Brüder all', ob Deutsche, ob Französen, / Ob Ungarn, Dänen, ob vom Niederland, / Ob grün, ob rot, ob blau, ob weiß die Hosen, / Gebt euch statt Blei zum Gruß die Bruderhand! / Auf, lasst zur Heimat uns zurückmarschieren, / Von den Tyrannen unser Volk befrei'n; / Denn nur Tyrannen müssen Kriege führen, / Soldat der Freiheit will ich gerne sein!» — *Franz J.* Sozialdemokratische Lieder und Deklamationen. Zürich, 1875. S. 30–32). Эта песня с несколько измененным текстом получила второе рождение во время Первой мировой войны. Современную версию с русским переводом можно послушать здесь: <https://www.youtube.com/watch?v=HYTf0LrmBul>

⁸⁹ «Помнишь ли, говорил солдату / Суровый ротмистр панцирной кавалерии, / Помнишь ли, как [вместе] с косинерами / Храбро сражался под Рацлавицами? / Помнишь ли, как перед Костюшко / Набросился один поляк на московские пушки / И только лишь шапкой прикрыв запал / Спас жизнь вождя и рыцарей» (*польск.*; пер. С. И. Николаева). Эту песню можно послушать здесь: https://www.youtube.com/watch?v=MX_zPxMMF1k

времена? — спрашивал в этом стихотворении польский ротмистр своего товарища-солдата, — слишком короткие дни, к сожалению, — когда славилась эта польская земля. Помнишь ли, когда за нанесенные нам обиды мы в ответ точили мечи о стены Кремля?» (заметим, что и в польских, и в русских версиях песни псевдо-Беранже «рифмуются» «кремлевские» исторические сюжеты 1612 и 1812 годов):

Pamiętasz — mówił Rotmistrz do żołnierza,
Co długo służąc wyszedł na żebraka;
Pamiętasz kiedyś w szturmie Sandomierza
Zwrócił ode mnie oręż Austryjaka?
Pod jednym znakiem i w równym zaszczycie,
Dzielnym Ojczyznę broniliśmy grotem,
Ja to pamiętam, bom ci winien życie,
Lecz ty, żołnierzu, czy pamiętasz o tém?

Pamiętasz czasy? zbyt krótkie niestety!
Kiedy ta polska słyęła kraina,
Pamiętasz, gdyśmy krzywd niosąc odwety,
Miecze ostrzyli na murach Kremlina.
Mimo fal, w których groziła zatrata,
Wszak Orły nasze zwycięskim polotem,
Wyspy nowego odwiedziły świata
Powiedz żołnierzu, czy pamiętasz o tém?⁹⁰

Антироссийская направленность этих польских переделок совершенно очевидна. Надо полагать, что приведенная выше песня Максимова 1832 года была ответом не на бонапартистское стихотворение мнимого Беранже, популярное во время Июльской революции 1830 года, а на его польский национально-освободительный перепев, подготовленный патриотической песней Праделя и немецкой версией Холти: «Powiedz żołnierzu, czy pamiętasz o tém» —

⁹⁰ Bard nadwiślański, nad brzegami Duransy i Rodanu. 1833. № 1. S. 5—6; перевод: «Помнишь ли, говорил ротмистр солдату, / Что долго служил, а стал нищим, / Помнишь ли, когда при штурме Сандомира / Отвернул от меня оружие австрияка? / Под одним знаменем и с равной честью / Доблестным копьем мы защищали родину. / Я это помню, потому что обязан тебе жизнью, / А ты, солдат, помнишь ли об этом? // Помнишь ли время, краткое, к сожалению, / Когда славилась эта польская земля, / Помнишь ли, когда мы, отмищая, / Точили мечи о стены Кремля. / Несмотря на волны, которые грозили гибелью, / Однако наши орлы в победительном полете / Навестили острова нового мира, / Скажи, солдат, помнишь ли об этом?» (польск.; пер. С. И. Николаева).

«Скажи, солдат: ты помнишь ли о том?» К слову, напомним, что в начале 1830-х годов Беранже был активным сторонником польского дела.

Наконец, в связи с полемической русской темой «Рефутации» имеет смысл подробнее остановиться на вскользь упомянутом Гавриловым знаменитом стихотворении Беранже «Песня казака» («*Le Chant du Cosaque*»), написанном на голос «*Dis-moi, soldat, dis-moi, t'en souviens-tu?*» и включенном в «новые песни» поэта.⁹¹ Это политико-апокалиптическое стихотворение воспроизводит в новой итерации восходящую к наполеоновской эпохе тему «казачьей угрозы» Европе и строится как обращение французского поэта к могучему демоническому дикарю.⁹² Последний изображается здесь как новый Аттила, несущий разрушение прогнившей европейской цивилизации (рефреном песни является обращение казака к своему коню: «*Hennis d'orgueil, o mon coursier fidèle, / Et foule aux pieds les peuples et les rois!*» — «Славься гордо, мой верный конь, / И топчи под ногами народы и царей!»). По словам историка французской политической поэзии, это стихотворение суммирует «взгляды рядового француза на роль России, вдохновляемой принципами Священного Союза, — роль международного полицейского, умиротворяющего революционные движения Запада». Казак Беранже, идущий «по зову тиранов на расправу с бедными подданными, о морали и психологии которых не сказано ни слова», есть не что иное, как «резкое орудие деспотизма», его «миссия» «не имеет ни тени привлекательности, ничем не объясняется, кроме трусости и подлости с одной стороны, и жадной грабежа и удалью — с другой!»⁹³

Эта песня была включена во все брюссельские издания 1820-х годов, указанные в библиографии Бривуа (в издании 1826 го-

⁹¹ См.: Гаврилов А. К. Наш ответ бонапартистам. С. 219.

⁹² О генеалогии и истории «книжного мифа о казаке-варваре» во Франции см.: Кабакова Г. Свечкоед // Новое литературное обозрение. 1998. № 6 (34). С. 55–77; Гладышев А. 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. М., 2019. В одном из ярких антиказацких памфлетов 1814 года, введенных в научный оборот Гладышевым, приводится перевод с русского языка (очевидно, мистификация) песни убитого под Монтро казака, поющего о том, что «золото и женщины станут здесь нашей добычей», а французские дети и женщины «заселят наши пустынные просторы» (с. 48).

⁹³ Петров Д. К. Очерки по истории политической поэзии XIX в.: Россия и Николай I в стихотворениях Эспронседы и Россетти. СПб., 1909. С. 150. См. также из современной рецензии на том Беранже, включавший это стихотворение: «...пугающий, угрожающий Европе призрак варварства, куда оно, похоже, намерено вновь вторгнуться» (*Revue encyclopédique*. Paris, 1826. Т. 30. P. 383). В более поздних стихах Делавиня, Гюго и Эспронседы на эту тему дикий казак обрушивался на незащищенную Польшу и на Европу.

да она помещена на страницах 555—557). Она постоянно упоминалась в европейских журналах, и Пушкин вполне мог обратить на нее внимание (разумеется, здесь мы вступаем в область догадок). Либеральный буржуа Беранже (вспомним гётевскую оценку его творчества) аристократическую Францию не жаловал, но казаков (русских) изображал, разумеется, не как потенциальных освободителей, но как демоническую, хищную, грязную (замечено Константином Леонтьевым⁹⁴) и бессмысленную орду, находящуюся на культурном уровне гораздо ниже европейских народов, с чем русский поэт, кичившийся своим древним дворянством и гордившийся былыми победами империи, не мог согласиться (мотив национальной обиды звучит в рефрене пушкинской песни, впоследствии повторенном поэтом в письме к Плетневу («...хоть я и не из иных прочих, так сказать...» — XIV, 118): «Хоть это нам не составляет много, / Не из иных мы прочих, так сказать»⁹⁵).

Для полноты картины укажем, что эта популярная песня Беранже, написанная на мотив песни о старом капитане, была позднее переделана на (про)русский лад Виктором Тепляковым и напечатана под заголовком «Песнь казака» и с эпиграфом из «Кавказского пленника» Пушкина «О чем ты думаешь, казак?»:

Над Рейном богатым, над Сеной живой
Ты помнишь лихие забавы? ...
Бывало... но в дивном, пророческом сне,
Угрюмой полуночи темной,
Гиганта, с перуными взорами, мне
Привиделся Гений огромный —
То призрак Аттилы, владыки царей.
Смеясь, он потомку секирой своей
На Запад указывал вольный...

Когда-ж, окрыленный гремучей трубой,
Мой конь, ты запляшешь в узде золотой,
Как прежде, над Сеной крамольной!

⁹⁴ Леонтьев К. Н. Письма отшельника // Собр. соч.: В 12 т. СПб., 2005. Т. 7. Кн. 1. С. 551.

⁹⁵ Очевидно, обыгрывается старинная формула «иные-прочие», употреблявшаяся еще в древнерусских летописях и усвоенная солдатом-простолоудином в значении «не из какой-то там шушеры». У Пушкина эта формула встречается в нескольких текстах (см.: Гаврилов А. К. Наш ответ бонапартистам. С. 223). Ср. также в письме Т. Н. Грановского (октябрь или ноябрь 1839 года) к Н. В. Станкевичу: «Мы люди известные, не из иных прочих» (Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2: Переписка Т. Н. Грановского. С. 363).

<...>

И пика казачья одна заблестит
На месте, где с прахом могучих копыт
Сольется ваш прах горделивый!..⁹⁶

По сути дела, стихотворение Теплякова вполне можно назвать литературным ответом-опровержением «русской темы» Беранже.⁹⁷

Если наше предположение об идеологической связи стихотворения Пушкина с «Песнью казака» верно, то опровержение Беранже полемически предстает как вызывающая апология наводящего на французов ужас русского солдата.

Вообще не будет преувеличением назвать написанную на мотив «Souvenir d'un militaire» «казачью» песню Беранже и связанную с ней политико-поэтическую традицию одним из источников скифского мифа русской поэзии.⁹⁸ Отзвуки этой песни, написанной на мелодию «Воспоминаний воина» псевдо-Беранже, слышны в «Грядущих гуннах» Валерия Брюсова и в знаменитом стихотворении Александра Блока, включавшем скрытую внутреннюю рифму на слово «Европа», в полный голос произнесенную в нецензурных версиях Пушкина и Голицына:

Мы помним всё — парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных роцц далекий аромат,
И Кельна дымные громады...

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...

⁹⁶ Тепляков В. Г. Стихотворения. СПб., 1836. Т. 2. С. 164—166.

⁹⁷ Заметим, что целиком «Песнь казака» Беранже была переведена на русский язык только в конце XIX века, причем с показательной купюрой в названии — «Песнь Киргиза. Вольный перевод Иван-да-Марьи» (то есть известных популяризаторов творчества французского поэта Ивана Феликсовича и Александры Александровны Тхоржевских). См.: Полное собрание песен Беранже. В переводе русских поэтов / Под ред. С. С. Трубачева. СПб., 1905. Т. 3. С. 60—64. В. В. Орехов в содержательной статье «“Клеветникам России”: Авторская позиция и литературная репутация» приводит рефрен из перевода «Песни казака», опубликованного в первом томе «Полного собрания песен» Беранже 1935 года («Встряхни же гривой, о, скакун проворный, / И в прах топчи народы и царей!» (с. 586), но ошибочно датирует оригинал Беранже 1830 годом. Впервые эта песня появилась в третьем томе парижского издания «Песен» 1821—1825 годов в разделе «Chansons nouvelles» (Р. 127—129).

⁹⁸ См.: Орехов В. В. Русские «скифы»: Эволюция образа // Вестник славянских культур. 2009. № 1 (XI). С. 68—69.

Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

<...>

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!⁹⁹

Парадоксальным образом тема угрозы западной цивилизации со стороны «скифской» России представляет собой в истории русской поэзии культурную полемическую апроприацию (или, используя пушкинский термин, «рефутацию») одного из бонапартистских мотивов, связывавшихся с именем Беранже.

ДВА КАПИТАНА

Пора перейти к выводам (и так уже в реконструируемой нами истории песни слишком много нот). В своей «Рефутации» Пушкин не обманывался и не обманывал читателя, а пародировал военно-элегический бонапартистский нарратив, который считал, как и многие его современники, принадлежавшим главному французскому народному поэту — идеологически и стилистически.¹⁰⁰

Грубые, издевательские и даже «зверские» стихи пушкинской пародии (или «перепесни») представляют собой романтический (сниженный, «казачий с пиками») ответ воображаемого русского солдата (потомка Аттилы, в терминологии Беранже) на «натянутую и манерную» (в терминологии Пушкина) лирическую lamentацию французского ветерана, ставшую популярной песней в парижских клубах и столичных салонах и привлекающую к себе внимание друзей поэта.

Между тем перед нами случай не только идеологической, как показал А. Гаврилов,¹⁰¹ полемики (опровержение Беранже метит, как мы полагаем, и в апологию французского «песельника», напеча-

⁹⁹ Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999. Т. 5. С. 77.

¹⁰⁰ Используя точную формулировку А. А. Долинина, рассмотревшего похожий случай (приписывание Пушкиным замечательной похоронной оды Ч. Вулфа лорду Байрону), можно сказать, что «от перемены имени автора» увеличивается «смысловой вес» чужого текста, пародируемого поэтом (см.: Долинин А. А. Байроновский след в книге Пушкина «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» // Memento vivere: Сборник памяти Л. Н. Ивановой. СПб., 2009. С. 127).

¹⁰¹ См.: Гаврилов А. К. Наш ответ бонапартистам. С. 220.

танную Вяземским в «Московском телеграфе»¹⁰²), но и своеобразного литературного пародического состязания — борьбы за жанр народной (здесь: солдатской) историко-политической песни, решающей в случае Пушкина задачу выразить не только то, о чем, но и как думает и говорит русский казак.¹⁰³ Литературным контекстом здесь, как мы полагаем, были характерные для романтического движения 1820-х — начала 1830-х годов споры о месте и роли «простонародного» песенного жанра (и, соответственно, национального барда) в современной исторической (политической) эпохе, — споры, непосредственно связанные с феноменом Беранже (Гёте, Стендаль, Мериме, Сент-Бёв, Вяземский, Дельвиг, Гейне, Бёрнс и т. д.).¹⁰⁴

Показательно, что, согласно свидетельствам современников, оригинал «Воспоминаний война» мнимого Беранже и пародия на него воспринимались в этот период в России как двуязычный поэтический диалог «народных» поэтов с поэтическими «подогревцами» в рефренах. Так, Феликс Петрович Фонтон, бывший в 1829 году секретарем при русской дипломатической миссии в Бургасе, рассказывал о счастливых днях своей службы: «Тут поют и беседуют, шумное веселье не перестает. Мы часто Беранже, а иногда и “Капитана” Пушкина пропеваем».¹⁰⁵

Вообще ни в коем случае не стоит игнорировать карнавално-пародический характер пушкинской песни, переводящей меланхоли-

¹⁰² См. примеч. 27. Сам Вяземский объяснял скептическое отношение Пушкина к Беранже тем, что его друг «вообще <...> как-то инстинктивно не любил репутаций, слишком, по мнению его, дешево приобретенных» и «держался в литературе и в отношениях к себе какою-то местничества» под девизом «чин чина почитай» (*Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика*. М., 1984. С. 431). Заключение, на наш взгляд, очень меткое: судя по всему, буржуа-демократ Беранже воплощал для аристократа Пушкина ложную модель народной славы (и национального поэта), основанную на мнении толпы, а не на суждениях посвященных.

¹⁰³ Фрагмент «солдатской песни» Пушкин, как известно, стилизовал в одном из эпиграфов в повести «Капитанская дочка» («Мы в фортеции живем...» — VIII, 294).

¹⁰⁴ В русской литературе своеобразный конкурс на создание «аутентичной» солдатской (народно-монархической) песни затянулся на десятилетия: от опытов Державина и поэтов эпохи 1812-го года до стихотворений Жуковского, Вяземского, Лермонтова и (во время Севастопольской кампании) Льва Толстого.

¹⁰⁵ Фонтон Ф. П. Воспоминания. Юмористические, политические и военные письма. Лейпциг, 1862. Т. 2. С. 182. Слова из песни Беранже Фонтон вспоминает, говоря о балканском походе русской армии: «Французы, в известной песни капитана, хвастают, что в четыре дня сделали поход. Но это было в доброй, жирной Германии. Пусть так когда-либо здесь попробуют» (20 июля — 11 августа, 1829; Там же. С. 74—75). Ср. в песне о капитане: «Te souviens-tu qu'aux champs de l'Allemagne / Nos bataillons, arrivant impromptu, / En quatre jours ont fait une campagne: / Dis-moi, soldat, dis-moi, t'en souviens-tu?»

ческую тональность (и идеологию) оригинала в русло непристойных *chansons paillardes*, исполнять которые предполагалось в состоянии алкогольного энтузиазма (эта жанровая подсветка исчезает при чтении стихотворения в отрыве от «лицейского» контекста). Не случайно племянник поэта Лев Павлищев (мемуарист, конечно, мало достоверный, но хорошо умеющий суммировать семейные предания) отнес эту песню к числу «немногих мелких стихотворений» Пушкина в пародийно-непристойном роде: «Эту шутку — написанную, впрочем, не столько в “порнографическом”, сколько в “ругательном” вкусе, дядя набросал 19 октября 1828 года на лицейском празднике и остался очень ею доволен: часто произносил ее в кругу друзей, заливаясь громким смехом».¹⁰⁶ Как остроумно заметила в письме к нам В. А. Мильчина, возможно, поэту просто «захотелось порадовать однокашников вот такой казарменной жеребятиной (живо представляю себе, как они чокаются во время припева!..)».¹⁰⁷ Добавим, что комический эффект здесь, очевидно, усиливался диссонансом с сентиментально-меланхолической мелодией Доша, на которую, по Томашевскому, «скотобратцы»-лицейсты пели эту песню.¹⁰⁸

Иначе говоря, если Языковым пушкинское стихотворение воспринималось как грубоватая «солдатская песня» (напомним, что младший поэт все же предпочел ее «Стансам» императору),¹⁰⁹ то бывшие лицеисты, по всей видимости, вписывали ее в иной жанровый и аллюзионный контекст, подчеркнутый в игриво-литературном авторском названии «Рефутация Гна Беранжера». Как мы знаем из пушкинского протокола, собравшиеся 19 октября 1828 года однокашники вначале спели лицейский гимн «Лето, знойна» Алексея Илличевского, затем, побеседовав и выпив, исполнили «Рефутацию», за которой хором спели «песню о царе Соломоне» барона Дельвига (блестящая стилизация французских «вакхических песен» Николя Бразье и Шарля Колле), а также «куплеты прошедших шести годов» (того же Дельвига), после чего разошлись, «завидев на дворе час первый и стражу вторую», «пожелав доброго пути воспитаннику императорского лицея Пушкину-Француз, иже написа сию

¹⁰⁶ Павлищев Л. Н. Из семейной хроники: Воспоминания об А. С. Пушкине // Семейные предания Пушкиных. СПб., 2014. С. 153.

¹⁰⁷ Исполнение патриотических песен входило в игровой лицейский репертуар. См. современную реконструкцию «Рефутации г-на Беранжера» Юрием Бавыкиным, написанную «под Марсельезу» и с использованием видеоряда из фильма Сергея Бондарчука «Война и мир»: <https://www.youtube.com/watch?v=wEApfuYhix4>

¹⁰⁸ См.: Томашевский Б. В. [Заметки о Пушкине]: Рефутация Беранжера // Пушкин и его современники. Л., 1928. Вып. 37. С. 119—120.

¹⁰⁹ См. примеч. 11.

грамоту».¹¹⁰ Иначе говоря, пушкинский перепев мнимого Беранже вошел в ряд лицейских «национальных песен» (шуточных текстов, описывавших лицейский быт и обычно вышитых по канве тогдашних литературных образцов — прежде всего «Певца во стане русских воинов» Жуковского).¹¹¹

Более того, если включить пушкинскую песню в интертекстуальный круг этого замкнутого дружеского сообщества, то можно заметить, что она напоминает не только ранние стихотворные гимны и пэаны поэтов-лицейстов, но и — по своей сказовой технике — опубликованную в одном из лицейских журналов прозаическую пьеску «Слова истинного Русского» — вымышленного суворовского капитана Силы Силыча Усердова (явная отсылка к патриоту из патриотов Силе Андреевичу Богатыреву графа Ф. В. Ростопчина и шовинистическим военным афишкам последнего, написанных на сконструированном «народном» языке):

Молвить правду-матку, а французы — сущая саранча. На Итальянские поля возлетела, да все поела; Немецкие достались не за денежку; Швейцарские мало пощипала; Голландские сожрала; с Прусских скоро улетела; от Польских не скоро отстала: а Русские так полюбила, что зимовать осталась... — Что с фигьярами прикажешь делать? — Корсиканец сам с ноготок, а борода с локоток. Куда конь с копытом, туда и рак с клешней. <...> Всех бы их ботажьем. Он бы лучше пурганца выжал — не потребного морсу. — Нет, Бонапарт! — Не смей к нам ни ногой; а то по прежнему примут хорошо в гости, да проводят по старому малый Ярославец с Красным. Сколько вору не воровать, а кнута не миновать.

Бывало, как мы с Суворовым пригрянем в штыки колонной, так искры посыплются, а Улиты-та как намазанные колеса заскрывают. — Ура! Вперед! Ступай! Не робей! а конница-та тро-тото-тото и примут живодеров в руки. — *Вспомнишь, так сердце заноет. — Память тебе Требио; не Карфагенцам четы. Русские отдули потомков та Галлов. А им все нейметя!* — <...> Они не христиане, не бусурмане, не раскольники, не поклоняются идо-

¹¹⁰ Грот К. Я. Празднование лицейских годовщин при Пушкине и после него // Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. 13. С. 47.

¹¹¹ На связь песни о капитане с этой лицейской традицией справедливо указал автор написанной в период кампании по борьбе с космополитизмом книги «Музыкальный мир Пушкина» (М.; Л., 1950) А. Н. Глумов. По мнению исследователя, этот «национальный лицейский гимн» Пушкина был выражением «глубокой патриотической гордости своей нацией, гордости “победами россиян”, Суворовым, “родными снегами”, торжеством над Наполеоном, пребыванием русских солдат в Париже» (с. 166).

лам, а их Зевес — Наполеон. <...> Нашим старухам придется в потомстве назвать его кашею бессмертным или Змеем Горынычем или какою-нибудь Гидрою Лернскою; — Кутузова сильным богатырем, а Москву замком. Чего от того ждать путного, который и образины не перекрестит. У них ум за разум зашел. Все как пузыри надулись, а после как лопнут, то так присядут, что ну, пади! Худо казаки попотчевали нагайками.¹¹²

Этот состоящий из простонародно-благонамеренных штампов текст К. Я. Грот атрибутировал лицеисту М. Яковлеву (автограф был написан его рукой), но допустил, что сочинить его мог Дельвиг, который пользовался потом псевдонимом «Русский». Интересно, что исследователи Пушкина, даже из одного круга, принципиально расходятся в интерпретации этого сочинения. Ю. Н. Тынянов в статье о Кюхельбекере и в романе «Пушкин» утверждал вслед за Гротом, что оно является благонамеренной ученической стилизацией «под Ростопчина».¹¹³ Б. В. Томашевский, в свою очередь, видел в нем едкую пародию на ура-патриотическую прозу, эмблемой которой был ростопчинский Сила Богатырев.¹¹⁴ К этой точке зрения присоединился потом и Н. Я. Эйдельман: «Патриотический порыв, ненависть к Бонапарту — хорошо! Но в некоторых столичных журналах появляются уж такие призывы (в основном исходящие от людей, уехавших от огня, в свои приволжские и другие владения), что тринадцатилетних лицеистов неудержимо тянет к пародии».¹¹⁵

Мы полагаем, что в лицейском кругу «Рефутация г-на Беранжера», написанная, как мы знаем, еще осенью 1827 года, воспринималась именно как пародическая имитация «истинно русской» песни на французскую мелодию, но из этой имитации явно торчали литературные уши Пушкина — едва ли старый патриотически настроенный простолудин использовал бы обращение к «фальшивому песнопевцу». Материалом для языковой маски ее героя являются, как и в случае с монологом Силы Силыча Усердова, разнородные патриотические клише времен суворовских кампаний («наш ста-

¹¹² Грот К. Я. Пушкинский Лицей (1811—1817): Бумаги 1-го курса. СПб., 1911. С. 251—252.

¹¹³ См.: Тынянов Ю. Н. 1) Пушкин и Кюхельбекер // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 323—324; 2) Пушкин: Роман. М., 1937. С. 363.

¹¹⁴ Томашевский Б. В. Пушкин: В 2 кн. М.; Л., 1956. Кн. 1: (1813—1824). С. 706.

¹¹⁵ Эйдельман Н. Я. Твой 18-й век. Прекрасен наш союз... М., 1991. С. 263. См. также: Грибанов А. Б. Сказ и речевое сознание в «Левше» Н. С. Лескова // Тыняновский сборник. М., 1998. Вып. 10. С. 86.

рик» — традиционное обращение солдат к полководцу в анекдотах о последнем¹¹⁶) и Отечественной войны — инвективы Г. Р. Державина против «буйного и нечестивого» корсиканца Наполеона «с буйственными и развратными скопищами»,¹¹⁷ ростопчинские «афишки», «солдатские песни» на тему 12-го года, хвастливые истории о похождениях русских в Париже (вроде воспоминаний Федора Глинки о парижских красотах, предпочитавших российских «варваров» галантным французам¹¹⁸), а также заливчатские стихотворные и прозаические подписи к популярным лубочным иллюстрациям времен Отечественной войны, переименовывавшим французские карикатуры на стереотипных русских мужиков-медведей и диких казаков-«свечкоедов».

Так, по точному наблюдению Н. И. Михайловой, стих о Наполеоне, который «как бубен гол и лыс», напоминает о листе Ивана Теребенёва «Русская баня», где французского императора «парят и бреют русские солдаты».¹¹⁹ Михайлова также обратила внимание на ряд других мотивов из сатирических листов 1812 года, нашедших отражение в «Рефутации»: «наш мороз среди родных снегов» (авторы картинок изображали Мороза-Вавилу), «Вы жарили московских наших крыс» (популярный сюжет картинок — французский суп). Уточним, что образ жареных крыс, скорее всего, заимствован был автором «Рефутации» из лубочного листа «Кухня главной квартиры, в последнее время пребывания в Москве», изображающего французских поваров, жарящих на вертеле кошку, лягушек и раскладывающих на столе крыс и ворон (впереди на полу изображены пять мышеловок с вензелем Наполеона, а под картинкой поставлена подпись: «Рисовано с натуры, самовидцем»¹²⁰).

¹¹⁶ «Старик наш, — говорили они вслух, — Бог весть, куда нас завел!» (Усов П. История Суворова. СПб., 1900. С. 240).

¹¹⁷ Державин Г. Р. Соч. СПб., 1883. Т. 9. С. 546.

¹¹⁸ См.: Глинка Ф. М. Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции; с подробным описанием похода россиян против французам в 1805 и 1806, также отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. М., 1815.

¹¹⁹ См.: Михайлова Н. И. «Витийства грозный дар...»: А. С. Пушкин и русская ораторская культура его времени. М., 1999. С. 111—112. В недавней заметке Н. Л. Дмитриева повторила (без ссылки) это наблюдение Михайловой (см.: Дмитриева Н. Л. Лысый Наполеон в «<Рефутации г-на Беранжера>» // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2023. Вып. 37. С. 89—92).

¹²⁰ См.: Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 2. С. 181—182; Кн. 4: Примечания и дополнения. СПб., 1881. С. 433. Подпись: «Не только в Москве, но и в Штетине французские рестораторы жарили водяных крыс и кормили ими почтенных своих воинов (Сын Отечества». 1813, № 41)». На другом листе, «Отступление великой армии», на переднем плане

А еще вероятнее то, что в этих пушкинских стихах преломился патриотический мотив из известной «солдатской песни» Ивана Кованько, написанной в сентябре 1812 года и «срифмовавшей», как и в польских переделках песни о капитане, эпоху Смуты (поляки в Москве) с войной с Наполеоном:

Вспомним, братцы, что Поляки
Встарь бывали также в ней;
Но не жирны кулебаки —
Ели кошек и мышей.
Напоследок мертвячину
Земляков пришлось им жрать,
А потом пред Руским спину
В крюк по Польски изгибать.¹²¹

Нашли отражение в «Рефутации» и другие сатирические топысы «солдатских песен» и подписей к лубочным картинкам того времени, изображавшим, в частности, расправы крестьянских богатырей над французскими мародерами-«миродерами». Так, на одной из карикатур изображается, как «Русский Геркулес загнал француз в лес и давил как мух» (ср.: Суворов «вас давил на ноготке, как блох»).¹²² Типично для лубочных листков и обращение «мусью» с оттенком угрозы к нехристям-французам. «Вить очнется басурман, — говорит русский «милицейский мужик» Иван Долбило, — не вдовайся брат в обман! — што, мусье кувырнулся рас два три ась не

французы разделявают лошадиную тушу, а на штыке и сабле жарятся крысы (ср. также карикатуру «Французы голодные крысы, в команде у старости Василицы». — *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. Кн. 2. С. 201—202).

¹²¹ Сын отечества. 1812. Ч. 1. № 1. С. 45—46. Песня была перепечатана в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (М., 1814. Ч. 1. С. 181), куда вошло еще несколько «солдатских песен» (например, «Песня к Руским воинам, написанная отставным из Фанагорийского гренадерского полку солдатом Никанором Остафьевым, Июля дня, 1812»: «Братцы! грудью послужите, / Гряньте бодро на врага / И вселенной докажите, / Сколько Русь вам дорога! / Посмотрите, подступает / К вам соломенный народ; / Бонапарте выпускает / Разных наций хилый сброд» (Ч. 1. С. 181).

¹²² О полемической направленности этой картинки, выворачивающей наизнанку ее враждебный французский прототип см.: *Проскурин О. А.* Русский Геркулес: Патриотическая карикатура 1812 года и ее французский источник // Новое литературное обозрение. 2012. № 6 (118). С. 143—157. Как и в случае «Рефутации г-на Беранжера», не упоминаемой Проскуриным, «образная система, идеологические и политические смыслы французского прототипа используются для их символического отрицания и для замены их иной системой ценностных координат» (Там же. С. 155).

Открытка начала XX в.

прибавитли мусье?»¹²³ (рефлекс этой стилистики у Лермонтова в «Бородино»: «Постой-ка, брат мусью!»; «И отступили басурманы»).

Наконец, источниками циничных стихов о казаке или полковом попе, овладевших французженками (мотив изнасилования побежденной страны), были как анекдоты о русских солдатах и офицерах в Париже, так и популярные гравюры того времени (на одной из них, описанной Ровинским, русский воин в Пале-Рояле — место, названное в одном из вариантов соответствующего стиха в «Рефутации», — «ласкает сидящую у него на коленях сильно декольтированную женщину»)¹²⁴.

Сгустком всей этой квазинародной антифранцузской сатиры является обращение к Наполеону героя одной из самых грубых патриотических инвектив того времени:

О ты, ебена-мать, поганец,
Прескверный, подлый корсиканец,
Природы выблядок, урод,
Разсукин-сын, каналья, скот!
Испанию поставил раком,

¹²³ Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Кн. 2. С. 206.

¹²⁴ «1814. Союзники в Палерояле» (Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1889. Т. 1: А—О. Стб. 215. № 952).

В Голландию свой хуй всучил,
Святейшего, средь Рима, Папу
Заставил ты едой трясти,
Ах, мать твою ети!!...¹²⁵

Неважно, знал или не знал Пушкин эту матерную инвективу, но она позволяет установить, в какую именно традицию переносит он свою грубую «солдатскую песню». Перекликающийся с приведенным выше фрагментом нецензурный рефрен («Ты помнишь ли, скажи, <ебена мать?>») был ранее опробован Пушкиным в стихотворении «Телега жизни» («Кричим: валяй, ебена мать» — XIII, 126¹²⁶), восходящий к лингво-патриотическому дифирамбу этому выражению в «Девичьей игрушке» («Рондо на ебену мать»):

...Ебена мать как соль телам, как масло каши,
Вкус придает речам, беседы важит наши.
Ебена может мать период дополнять,
Французское *жан футр* у нас ебена мать.

...А храбрости есть знак: кто нас! ебена мать!...

...Ебена мать душа есть слов...¹²⁷

Барковский гимн этой идиоме косвенно подтверждает предположение Гаврилова о каламбурном обыгрывании Пушкиным в слове «рефутация» французского «foutre»: получается что-то вроде «allez faire foutre», то есть опровержение Беранже представляет собой фигуральную отсылку противника к той самой матери. Возможно, что и ругательство «говенный капитан» (ср. двусмысленность в собственноручно записанном Пушкиным названии «Рефутация Гна Беранжера»¹²⁸) также имеет французское происхождение — «capitaine de merde» (в популярнейших «Сочинениях» Пьера де Бурделя Брантома (Pierre de Bourdeille, seigneur de Brantôme, ок. 1540—1614),

¹²⁵ Kryptadia: Folklore de l'Ukraine. Folklore de la Grande Russie. Folklore polski. Folklore polonaise. Paris, 1898. Vol. 5. P. 199.

¹²⁶ Пропуск «русского титула» в этой публикации восстановлен по бесцензурному экземпляру изд.: Пушкин А. С. Соч. Переписка / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова. СПб., 1906. Т. 1. С. 151.

¹²⁷ Барков И. С. Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова / Под ред. А. Зорина, Н. Сапова. М., 1992. С. 260.

¹²⁸ А. К. Гаврилов считает, что в написании «Гна» в приведенном в Протоколе названии песни «не стоит видеть анально-скатологический намек» (см.: Гаврилов А. К. Наш ответ бонапартистам. С. 228).

имевшихся в библиотеке Пушкина,¹²⁹ упоминается «petit Capitaine de merde» Жанлис¹³⁰).

Наконец, в контексте пушкинского творчества этого времени двязычная цензурная брань «Рефутации» связывает последнюю со знаменитым пейоративным лингвистическим экспериментом в сцене битвы русско-польского и московского войск близ Новгород-Северского в «Борисе Годунове» (1825). Речь идет о языковой маске французского капитана Мержерета, который, как писал Пушкин Вяземскому 7 ноября 1825 года, «все по-матерну бранится; цензура его не пропустит» (XIII, 240). Эти высказывания действительно возмутили рецензента III Отделения, которым был Ф. В. Булгарин: «...должно заметить, что человек с малейшим вкусом и тактом не осмелился бы никогда представить публике выражения, которые нельзя произнести ни в одном благопристойном трактате! Например, слова Мержерета».¹³¹ Эмоциональный капитан обрушивается на бегущих русских солдат крепкими словами, комически смягченными в переводе (здесь есть и «foutre» и «cul»): «Qu'est-ce à dire pravoslavni?... Sacrés gueux, maudites canailles! Mordieu, mein herr, j'enrage: on dirait que ça n'a pas des bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour foutre le camp» (VII, 73);¹³² «Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas — puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites-vous, mein herr?» (VII, 74);¹³³ «Tudieu, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanetz, comme ils l'appellent, est un bougre qui a du poil au cul. Qu'en pensez vous, mein herr?» (VII, 74)¹³⁴ и т. д. В свою очередь, православные русские воины называют капитана «проклятым басурманом» и «лягушкой заморской».

¹²⁹ Œuvres du Seigneur de Brantôme, nouvelle édition, plus correcte que les précédentes. Paris, 1787. Т. 1—8; Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 175. № 672.

¹³⁰ Œuvres du Seigneur de Brantôme. Paris, 1787. Т. 6. P. 319.

¹³¹ Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии. 1799—1829. СПб., 2007. С. 580.

¹³² «Что значит pravoslavni?... Прощельги окайнные, проклятая сволочь! Черт побери, mein Herr <мой сударь — нем.>, я взбешен: можно подумать, у них нет рук, чтобы драться, а только ноги, чтобы бежать» (точнее — «у*бывать»).

¹³³ «Пропади ты пропадом! Я не сдвинусь ни на шаг; раз дело начато, надо его кончить. Согласны, mein Herr?».

¹³⁴ «Дьявольщина, становится жарко! Этот чертов Самозванец, как его называют, парень хоть куда (дословно: «мохнатая жопа». — И. В.), mein Herr». См.: Gordienne R. Dictionnaire des mots qu'on dit gros, de l'insulte et du dénigrement. Paris, 2002; Куркин Б. А., Мурашкина О. В. Ненормативная лексика в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»: цель и значение // Язык и текст. 2019. Т. 6. № 3. С. 16—27.

Эту макароническую балаганную перебранку можно назвать своего рода прообразом непечатного ответа лубочного православно-го воина из «Рефутации» «говенному капитану», бежавшему от русских в 1812-м году (здесь показательна перекличка имен двух капитанов — «Маржарет» и «Беранжер»). Как заметил исследователь барковской традиции А. А. Илюшин, в своей песне Пушкин постарался в качестве литературного опыта «подключить мат <...> к русской патриотической идее», имитируя «понятную логику»: «...поговорим-ка с врагами России... по-русски, т. е. матерно. Шапками закидаем, и уже закидали в 12-м году, когда мусье француз показал нам “жопу”, удирая от нас в свой Париж».¹³⁵

Безусловно, снижающие, пародические перепевы «Souvenir d'un militaire» были санкционированы автором этой песни и его последователями, но в «Рефутации» вульгаризация текста, играющего старинными «народными» шапкозакидательскими топосами времен суворовских походов и войны с Наполеоном, доводится до лексического предела (этого «низкого» плана, разумеется, нет в стерильно-бравурных переделках «Беранже» Максимовым и других авторов 1830-х годов).

Возникает вопрос: что же именно пародирует прозвучавшая вместе с другими «национальными песнями» лицеистов «Рефутация»? Является ли ее объектом бонапартистская эмоция (и начинающий набирать обороты французский реваншизм), представленная в песне «Беранже», или, как в случае с давними лицейскими «Словами истинного Русского», псевдонародный стиль ростопчинской закваски? Мы полагаем, что и то и то, или, коротко говоря, *клубно-трактирный беранжизм* как особый тип демократического поэтического высказывания, отвергавшийся тогда поэтом-аристократом Пушкиным и эстетически, и идеологически.

Между тем исполненная лицеистами песня была не только веселой игрой с галло-росскими патриотическими клише, но и одновременно (вне лицейского контекста) отражала начинающийся роман Пушкина с имперской идеологией, поставившей задачу создания «истинного русского» *vox populi* в национальной литературе. Смеш-

¹³⁵ Илюшин А. А. Ярость праведных: Заметки о непристойной русской поэзии XVIII—XIX вв. // Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 11. Разумеется, народный лирический герой пушкинской песни является идеологическим конструктом, рупором определенной политической идеологии. Перед нами, как писал о сходном случае политической пропаганды О. А. Проскурин, «образ народа для образованных слов, образ такого народа, каким его хотели видеть консервативно-монархически настроенные “патриоты” 1810-х (в случае «Рефутации» — 1820—1830-х. — И. В.) годов» (Проскурин О. А. Русский Геркулес. С. 156).

ные (в лицейском смысле) стихи на жесткой барковской подкладке органично встраивались в его «серьезную» национально-патриотическую лирику первых лет царствования Николая, «оживившего», по словам поэта, страну победоносными войнами — Русско-турецкой (Наваринское сражение, напомнившее Пушкину о его предке, наваринском герое И. А. Ганнибале) и Русско-персидской (взятие Эривани в 1827 году). В историческом контексте 1828 года эта песня, несомненно, аукается с «Полтавой», в центре которой находится мифологически первая (прототипическая) победа над надменным врагом в истории Российской империи.¹³⁶

Иначе говоря, стилизованное «под народ» стихотворение, исполненное на дворянской пирушке «между Лафитом и Клико», стало своеобразной непристойной пародической увертюрой к циклу имперских произведений поэта, написанных в конце 1820-х — начале 1830-х годов, и, по сути дела, «опережающей» репутацией «коллективного Беранже» — то есть бонапартистско-либерального общественного мнения французов о России и Польше, «озвученного» знаменитым песенником. Давно доказано, что если «поскрести» русского философа-славянофила, то найдешь немца, поклонника Фихте и Шеллинга. Но верно и то, что если хорошенько вслушаться в русские — да и не только русские — патриотические песни и поэмы, то услышишь в них голос кичливого французского капитана Маржерета или — что точнее с историко-культурной точки зрения — пьяного воина-землепашца Никола Шовена, горляющего в клубе бонапартистские песни Поля-Эмиля Дебро и Пьера-Жана Беранже.¹³⁷ Очевидно, что корни французского и русского шовинизма, наиболее ярко представленного в жанре литературных «солдатских песен», восходят к периоду (травмам и триумфам) Наполеоновских войн.

В свою очередь, меланхолические куплеты французского оригинала резонировали с настроениями Пушкина и многих его современников — воспоминания об утраченной героической эпохе, увиденной с другой, противоположной, исторической точки зрения. Этот элегический характер «народной» песни с сентиментальным повтором

¹³⁶ «Я смело чувства выражаю, / Языком сердца говорю» (III, 89) — кредо «истинного», а не фальшивого песнопевца, сформулированное Пушкиным в послании «Друзьям».

¹³⁷ Амбивалентность и идеологическая трансформация этого символического персонажа на протяжении XIX века рассматриваются в книге: *Пюимеж Ж. де. Шовен, солдат-землепашец: Эпизод из истории национализма / Пер. с фр. В. А. Мильчиной. М., 1999.* См. содержательную статью об историко-культурной семантике этого фарсового по происхождению персонажа: *Душенко К. В. Никола Шовен, легендарный патрон шовинизма. С. 52–77.*

«ты помнишь?» нашел отражение в нескольких пушкинских произведениях 1830-х годов и достиг высшей точки в незаконченном лицейском воспоминании «Была пора: наш праздник молодой...» (октябрь 1836 года), где место участников великих событий прошлого занимают восторженные (и уже далеко не молодые) свидетели последних:

Вы помните: когда возник лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей.
Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. Еще Наполеон
Не испытал великого народа —
Еще грозил и колебался он.

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидую тому, кто умирать
Шел мимо нас... и племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда пред ним раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
Вы помните — как оживились вдруг
Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой досуг...
(III, 432)

Иными словами, «фальшивый Беранже» уловил и канонизировал ностальгическую «мелодию» конца 1820-х годов, а Пушкин (тут мы окончательно встаем на сторону тех исследователей, которые атрибутируют поэту этот провокативный стихотворный палимпсест), по своему обыкновению и в русле наметившегося государственно-националистического милитаристского поворота русской культуры, ему «подсвистнул» на барковско-казачий манер (правда,

если говорить беспристрастно, свистнуто это было довольно средне), породив ненароком шумную ресентиментально-агрессивную «народную» поэтическую традицию.

Илья Винуцкий

ЕЩЕ РАЗ О ПРИРОДЕ ПУШКИНСКОЙ ЗАМЕТКИ «LA LIBÉRATION DE L'EUROPE...»

Суть короткой французской заметки Пушкина «La libération de l'Europe...» («Освобождение Европы...», 1835) имеет разные толкования. Автограф был обнаружен Б. Л. Модзалевским между страницами «Путевых картин» («Reisebilder», 1826—1831) во втором томе французского издания сочинений Генриха Гейне, сохранившегося в библиотеке Пушкина (Œuvres de Henri Heine. Paris, 1834—1835).¹ Б. Л. Модзалевский предположил, что это «выписка из Гейне». ² Однако во французском издании, перевод для которого Гейне осуществил сам, опустив ряд текстов из немецкого оригинала, нет слов, прямо совпадающих с пушкинской записью. В издании «Рукою Пушкина» было высказано мнение, что эта запись — не цитата и не пересказ, а «самостоятельная заметка». ³ Опущенные во французском издании тексты между тем коррелируют с пушкинским — в частности, высказывание Гейне о том, что именно Россия способна избавить Европу от деспотизма (ср. с первой фразой пушкинской заметки: «Освобождение Европы придет из России» — XII, 207, 485; ориг. по-франц.).

Близость текста Пушкина отсутствующим во французском переводе соображениям Гейне свидетельствует о том, что они должны были каким-то образом попасть в его поле зрения. Весьма убедительным представляется предположение о том, что это могло произойти при частных разговорах Пушкина, например, с австрийским посланником Ш.-Л. Фикельмоном, мужем Д. Ф. Фикельмон.⁴

¹ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 247. № 976.

² Там же.

³ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 211 (коммент. М. Г. Муравьевой и М. А. Цявловского).

⁴ См.: Романов Н. М. Пушкинская заметка при чтении «Путевых картин» Г. Гейне // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10. С. 321.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННИК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 38

Санкт-Петербург
2024

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

Издание основано в 1962 году

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Е. Е. Дмитриева

Рецензенты:
Доктор филологических наук
М. В. Строганов
(*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН*)
Кандидат филологических наук
Е. Н. Григорьева
(*Санкт-Петербургский государственный университет*)

ISBN 978-5-94668-397-5

© Авторы статей, 2024
© Пушкинская комиссия РАН, 2024